

USA Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №1 (5) 2013 г. <http://provintelligent.ru>

Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНТА» В ЭСТОНИИ

27 апреля 2013 года в Таллинне прошла презентация Международного медийного проекта «Интеллигент», на которой собрались литераторы не только из столицы, но и из других городов Эстонии - Пярну и Кохтла-Ярве. Знакомство творческой интеллигенции Эстонии с литературно-публицистическими изданиями «Интеллигента» проходило в теплой и дружелюбной обстановке. Официальный представитель проекта в Прибалтике Марина Викторова передала присутствующим гостям приветствие от учредителей «Интеллигента» Сергея Пашкова и Сергея Лебедева и выразила благодарность за помощь в организации этого мероприятия Объединению русских литераторов Эстонии, а также администрации Русского Культурного Центра, любезно предоставившей под проведение презентации помещение своего конференц-зала.

Присутствующие с интересом слушали рассказ о деятельности литературно-публицистического проекта «Интеллигент», о его славной истории, о том, насколько высокие цели и серьезные задачи стоят перед нашими изданиями, какие люди представляют редакционный коллектив проекта сегодня. Впечатлила эстонских литераторов и обширная география авторов, сотрудничающих с «Интеллигентом». Для дальнейшего знакомства с проектом и удобства взаимосвязи на экран выводились заставки с электронным адресом сайта проекта и контактными данными медийного представителя. Из зала поступало много вопросов о возможностях и условиях публикаций произведений в изданиях «Интеллигента». В конце встречи авторы, которые уже публиковались в газетах и журналах проекта, читали свои стихи, а после каждого выступления звучали ответные слова

благодарности в адрес медийной группы «Интеллигент». С заключительным словом выступил профессор Евроакадемии Владимир Брагин, который поблагодарил организаторов за предоставленную интересную информацию и обратил внимание присутствующих на замечательное, импонирующее своей сутью и сразу же расположившее к себе название нашего проекта - «ИНТЕЛЛИГЕНТ», а также подчеркнул необходимость и важность таких русскоязычных изданий для всех русских литераторов, и особенно для тех, кто так же, как и пишущие на русском языке авторы из Эстонии, оторван от своих корней, от своей языковой и культурной среды.

С появлением в Прибалтике медийной группы «Интеллигент» наше сотрудничество уже начало приносить свои плоды. Русскоязычные писатели почувствовали, что их могут услышать не только в Эстонии и в России, но повсюду в мире, где живут люди, говорящие на русском языке. А эстонские литераторы, в свою очередь, теперь имеют возможность читать произведения русскоязычных авторов со всего земного шара!

Интеллигент Эстонии

СНОВА НЬЮ-ЙОРК

Уже стало хорошей традицией делать презентации изданий медийной группы «Интеллигент» в Нью-Йорке (США).

Понятно, что там, за океаном, наши соотечественники не только ностальгируют по стране, в которой они родились, но и их там объединяет русская культурная среда, в частности, русский язык.

Потому, когда к ним «пришел» проект медийной группы «Интеллигент», у русскоязычных авторов и читателей появился прекрасный повод чаще встречаться, обмениваться новостями, показывать свое творчество и участвовать в публикациях наших изданий. 10 апреля Ирина Акс и член редакционного совета нашего проекта Екатерина Асмус провели увлекательное и динамичное мероприятия по презентации новых изданий медийной группы «Интеллигент», которые уже появились в США и в которых уже отметились публикациями русскоязычные авторы из США. Выступления поэтов разбавляли прекрасными выступлениями бардов. Всех очень воодушевили выступления под аккомпанемент гитары от Екатерины Асмус, Володи Кошечева, Василия Кольченко. Развитие проекта только укрепляет мост между русскоязычными людьми по всему миру и, как отметила Ирина Акс, радует и то, что проект все больше объединяет лучших представителей творческой интеллигенции вокруг медийного проекта «Интеллигент».

До новых встреч в Нью-Йорке!

Нам
уже
5 лет

THE LIBRARY OF CONGRESS
101 INDEPENDENCE AVENUE, S.E.
WASHINGTON, D.C. 20540-4830

EUROPEAN DIVISION

Provintsi'nyi Intelligent
c/o Sergei Pashkov
ul. Gornikov 7-61
186930 Kostomuksha
RUSSIA

January 17, 2013

Dear Mr. Pashkov,

We just received your gift copies of the issues of the literary journals *Intelligent-Izbrannoe* and *Intelligent-SShA* and *Intelligent-Moskva*. Thank you very much for considering the Library of Congress as a recipient for your publications. They will make important additions to our Russian literature collection.

I have forwarded your publications to our acquisitions department for processing. When completed, the journals will be available to any researchers who come to the Library of Congress.

Best wishes,

Angela Cannon
Reference Librarian
European Division

Ревнитель трепетный культуры

Михаил Шемякин и его ФОНД

О фондах говорить в наше время непросто. Так и представляю, как вы разочарованно машете рукой – мол, знаем, знаем. Видали мы эти фонды! Только деньги собирают. А куда потом всё девается? Вынуждена, к сожалению, согласиться с придирчивым читателем. Слишком долго и часто различные, обремененные возможностями люди открывали фактически личные кошельки, называя их звучным словом «Фонд», собирали с наивных граждан деньги: на культуру, на искусство, на помощь бедным, на мертвых общественных деятелей, на лечение голубей-инвалидов, на, говоря словами Остапа Бендера, «провал, чтоб не провалился». Да, к несчастью, так было и так есть. И эти, так называемые фонды, потом не могли ничего созданного ими предъявить своим благодетелям, ничего, кроме «кривой документации»...

НО! Только не ЭТОТ Фонд! Только не Фонд художника Михаила Шемякина, о котором пойдет речь в нашем рассказе.

Начнем с краткой истории возникновения Фонда. Существует он с 2002 года – организация, целью которой является, в первую очередь, – помощь как молодым, так и маститым отечественным творцам, помощь социально незащищенным группам населения, благотворительная деятельность, ну, и конечно же – сохранение культурного наследия. Помещение для Фонда – в самом центре нашего города на Садовой, 11 – Михаилу Шемякину выделило Правительство Санкт-Петербурга по поручению Президента Российской Федерации В. В. Путина. У Фонда существует обширный Попечительский совет, в который входит цвет и гордость культурной прослойки нашей страны. Назовем лишь несколько всемирно известных имён: Евгений Слонимский, Эльдар Рязанов, Анатолий Карпов, Борис Стругацкий.

Деятельность Фонда Михаила Шемякина поражает богатством и разнообразием идей. Выставки (постоянно действующая экспозиция и тематические проекты), концерты,

театральные и литературные вечера, «лаборатории творчества», на которых каждый желающий, без какой-либо начальной подготовки, может получить навыки художника, вокалиста, импровизатора, под руководством профессиональных педагогов. Кроме того, ежегодно Фонд устраивает рождественские торжества для детишек. Для них же существуют обучающие программы. Также в Фонде имеется постоянно действующий «виртуальный музей» – сборник видеолекций об искусстве, созданных самим Михаилом Шемякиным.

Отдельно хочется остановиться на выставочной деятельности Фонда. Петербуржцев давно уже не удивишь мероприятиями – не секрет, что наш город – «Мекка», место, куда стягивается творческий люд, сам воздух здесь создает искусство. И, конечно, разбалована наша публика и концертами, и выставками, и прочими радостями культурной жизни. Но зная, что в Фонде Шемякина открывается новый проект, невольно отложишь другие дела, встречи и намерения, и пойдёшь именно туда! Одной из причин этого является неповторимая атмосфера дружественности и тепла, созданная сотрудниками Фонда. Войдёшь – и очаровательные красавицы-кураторы встречают тебя улыбками и приветствиями; гости, осматривают пространство вернисажа и жужжат благостно – ведь тут собираются друзья! «Модерновый» зал первого этажа, вошедшая полутёмная деревянная лесенка на второй этаж, ведущая в камерное, интимное пространство второго зала... Сам руководитель Фонда, знаменитый Михаил Михайлович Шемякин, неизменно открывает каждую выставку. И в этом тоже свое, особое очарование – Михаил живёт практически на три страны, загруженность этого человека более 24 часов в сутки, ведь он весьма востребованный художник и скульптор, кроме того – у него две профессиональные академии для молодых художников, занятия в которых он проводит лично – но никогда не пропускает события, подготовленные его детищем, – Фондом.

На открытии любой выставки вас непременно ждёт сюрприз – театральная миниатюра, пантомима или перформанс. Ну, и конечно – ряд тематических художественных работ! Часть экспозиции – всегда – рисунки и фото на заданную тему, привезенные Михаилом из его французской коллекции. Часть – работы молодых художников на ту же самую заданную тему. Получается интереснейший эксперимент – взгляд различных людей и различных времён на одну и ту же вещь! За прошедшие пять лет прошла серия выставок, объединённых одной идеей: «Монстры в искусстве», «Крик в искусстве», «Башмак в искусстве», а тёплым

сентябрьским днём открылась новая экспозиция – «Стул в искусстве». Когда данная серия вернисажей ещё только планировалась, на вопрос о целесообразности такого усиленного внимания к одному предмету, Михаил Шемякин ответил, что любой художник должен досконально изучать каждый предмет в отдельности, со всех его сторон, со всех точек зрения, лишь тогда он достигнет истинного мастерства. С этим невозможно не согласиться, тем более, зная титаническую работоспособность самого творца и его постоянную тягу учиться и учить. Великое удовольствие – наблюдать за тем, как этот признанный Мастер рисует: рука его ведёт карандаш столь верно, столь чётко, чувствуется, что все движения выверены и легки. Чтобы достичь такого эффекта, нужно провести за мольбертом сотни тысяч часов! Вот почему Михаил Шемякин ратует за фундаментальное художественное образование, которое нынче у нас в порядочном упадке – не может, по его мнению, художник творить без знаний азов! Без многочасовых тренировок! Себя художник не щадит никогда, даже невозможно себе представить, что он когда-то отдыхает. Вспоминаются слова другого изумительного творца: Георгия Николаевича Траугота: «Если художник не трудится 18 часов в сутки, то он – лентяй!»

Работой фонда Шемякина во время его отсутствия на территории нашей страны руководят Александр Михайлович Волков – генеральный директор и Марина Владимировна Щербакова – заместитель генерального директора – люди трепетные и чрезвычайно преданные своему делу. «Для меня Фонд – это, прежде всего, сам Михаил Михайлович Шемякин – его жизнь, его работа. Ещё учась в школе искусств, я неоднократно слышала его имя, и он уже тогда стал для меня лоцманом в мире современного искусства» – говорит Марина Щербакова. Кроме этого, они с maestro земляки, а на родине Шемякина в Кабардино-Балкарии, его помнят, уважают, любят и относятся очень трепетно. «Я бесконечно благодарна подарку судьбы, – что могу работать под началом Михаила Михайловича, ценю каждую минуту работы с ним!» Поверьте, для всех, кто знает Марину предельно ясно, – это не просто красивые слова! «Для полной гармонии – говорит Марина, – нашему Фонду немного не хватает внимания и бескорыстного творческого сотрудничества!»

Что ж, мы всегда готовы к бескорыстному творческому сотрудничеству, тем более, что Фонд открыт для всех, кто несёт культуру, искусство, тепло, любовь и дружбу в этот мир!

До новых встреч в Фонде Михаила Шемякина!

Екатерина АСМУС

Михаил Шемякин представил выставку «ДЕТИ В ИСКУССТВЕ»

16 мая в 19.00

В рамках крупномасштабного авторского проекта «Воображаемый музей Михаила Шемякина. АНТОЛОГИЯ ФОРМ»

Темой выставки становится один из самых востребованных в истории мировой культуры художественный образ.

Созерцание живописных и решенных в пластике младенцев доставляло удовольствие людям еще со времен античности, когда изображение ребенка несло в себе ярко выраженный символический сакральный характер.

Традиционно в работе над детским образом мастера следовали культурным и нравственным канонам своего общества. С конца XVII века детоцентристская ориентация, утвердившаяся в сознании европейца, привела к господству в западноевропейском, а позднее и в русском искусстве жанра детского портрета.

Не теряя своей актуальности и сегодня, детская тема пополнилась новыми подходами к ее интерпретации в творчестве художников XX – начала XXI веков.

Выставка «Дети в искусстве» состоит из двух частей. Основная экспозиция содержит искусствоведческие изыскания Михаила Шемякина и исследования в области данной темы его Института философии и психологии творчества. Это уникальная коллекция, насчитывающая свыше двухсот изображений ребенка в живописи, графике, скульптуре и инсталляции демонстрируется впервые.

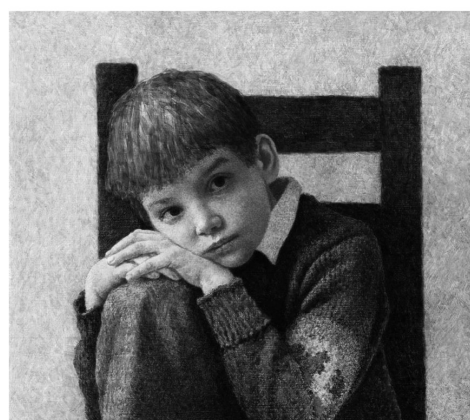
Во второй части представлено более ста работ современных художников, собранных в результате конкурсного отбора специально для выставки.

В торжественном открытии выставки приняли участие трио сестер Садиковых:

Алиса Садикова (арфа) – учащаяся Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова, Лауреат Премии 2012 года Юрия Темирганова, стипендиат фонда Владимира Спивакова, лауреат Международных конкурсов;

Анна Садикова (фортепиано) – лауреат Международных конкурсов; Светлана Садикова (скрипка) – лауреат Международных конкурсов. Фонд художника Михаила Шемякина Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 11 м. Гостиный двор

Контактное лицо:
Заместитель генерального директора
Марина Щербакова.
Тел. 310-25-14, 310-02-75;
+7 911 1711245.
marina@mihfond.ru

Картины слева направо: Вячеслав Сухоруков «Мальчишки»; Бахлул Исмаилов «Малышка Ку-май»; Алексей Жемчужников «Пашка»; Андрей Андреев «Зимние забавы»

Литературное объединение «Полёт», которым руководит Генриетта Солтанова, образовалось в 1994 году в городе Нетания, расположенном почти в центре Израиля, на его средиземноморском побережье. С тех пор в «Полёте» еженедельно по четвергам собираются 15-20 поэтов, прозаиков и бардов. А всего в его списке 30 человек. У многих из них – сборники стихов, изданные в Израиле и за его пределами. Их имена можно встретить среди участников, финалистов и победителей международных поэтических турниров, конкурсов и фестивалей. «Полётом» выпущено четыре альманаха поэзии и прозы «Чай по четвергам», получивших хорошие отзывы читателей. Произведения участников «Полёта» публикуются в альманахах и периодических изданиях, выходящих в Израиле, России, Украине, США, Великобритании, Германии, Австралии и в других странах.

НЕТАНИЯ

Аркадий Апрасовский

Родился давно, в 1937 году.
После войны учился в школе, затем в институте, работал конструктором на большом секретном заводе в Эстонии, участвовал в разработке больших и не очень изделий для атомных электростанций, отчего тянет ко всему тёплому и светлому. В Израиле дружит с КСП Нетании и с ЛИТО «Полёт». Выпустил два сборника стихов и песен: «Гитары печальные звуки» и «Под звуки гитарных аккордов».

Аркадий Апрасовский

Песня о том, как круто может измениться жизнь оттого, что бастуют спасатели на море

Я б не сказал,
Что плаваю отлично,
Но о спасателях
И думать мне неловко,
И потому
Мне было безразлично,
Что в этот день
У них случилась
Забастовка.

Я был в печали,
И мой взгляд бродил
То по волнам,
То там, за облаками,
И вдруг нечаянно
Такое уловил,
Что невозможно
Передать словами.

Есть женщины,
Что всё готов отдать,
Чтоб их как можно дольше
Не видеть.
А есть такие –
Поведёт рукой,
И ты уже не властен
Над собой.
Она возникла вдруг
Передо мной
Из белой пены,
Из волны морской.
В её глаза
Я только раз
Взглянул
И понял,
Что иду ко дну.

В них было всё:
И жизни вечность,

Которую мне
Не испить до дна,
И неба голубого
Бесконечность,
И ласкового моря
Глубина.

И понял я,
Что с этой глубиной
Не справиться
Ни силой,
Ни сноровкой,
И не спасёт меня
Уже никто другой,
Ведь у спасателей
Сегодня забастовка.

Я в море глаз её
Теперь всю жизнь тону.
Признаюсь,
Мне и сладко,
И приятно.
Я ухожу всё дальше
В глубину,
И выплывать
Не хочется
Обратно!

Скажите мне,
Благодарить кого –
То ли судьбу
За все её уловки,
То ли спасателей,
Не знаю для чего
Устроивших в ту пору
Забастовку!

Григорий Абрамов

Родился в Белоруссии. Окончил школу, институт. Служил в армии. Работал инженером. С 1991 в Израиле.

Как странно.
До чего же странно –
И то, что я увидел вас,
И то, что вы не из тумана,
И не исчезнете сейчас.

И эти несколько мгновений,
Как странно –
Будто бы века.
И я – не я, а Добрый гений,
Пока вы тут.
Пока.

* * *
Промозглый холод осени глубокой.
Оцепенел осыпавшийся сад.
И над прудом, что весь порос осокой,
Тумана клочья белые висят.

Не шелохнётся лодка у причала.
Ни ветерка. Ни шелеста волны.
Как будто фея сна тут пролетала
И обронила сказочные сны.

Кому-то спать без этих сновидений.
И никогда, представьте, никогда
Не видеть сада в череде видений,
Не увидеть заросшего пруда.

И между снов иду я осторожно,
И благодарность шлю своей судьбе.
Ведь дивным даром любоваться можно,
Пусть даже он назначен не тебе.

София Бронштейн

София Бронштейн родилась и выросла в Севастополе. Литературная студия городского Дворца пионеров в Севастополе. Филологический факультет Ленинградского пединститута им. Герцена. Чувашская деревня – по распределению. Бахчисарай: преподаватель русского языка и литературы, режиссер и сценарист команды КВН. В Крыму стихи выходили в периодической печати и в альманахах «Литературная карта Крыма». С 1997 года живёт в Израиле. Пять сборников стихов.

Бумеранг

Ну что вы все заладили:
– Поехали, поехали...
В страну чудес Зеландию
Пока еще не к спеху мне.

Аборигены с козами,
Акулы, пляжи, дротичи,
Отмеренная дозами
Обыденность экзотики.

Где мериносовых овец
Стада в долинах тучные,
Тоска покинутых сердец
Меня вконец замучает.

И будут больно сниться сны,
Что, выбрав долю лучшую,
Я посреди чужой весны
Стою овцой заблудшею.

Не надо укорять меня
За ностальгию лютую,
Пожар бездымного огня
Ни с чем октябрь не спутает.

Я помню боль от прошлых ран
И горечь поздней осени,
Но я вернусь, как бумеранг,
Туда, откуда бросили.

* * *
Мужчины, не познавшие меня,
Как жаль, что между нами не случилось
Того непобедимого огня,
Что всех безумств высокое начало.

В греховных снах обиженных мужчин
Являлась в многоженственных обличьях,
Так птица Сирий множество личин
Таит в безликом оперенье птичьим.

И каплей лжи себя не замавав,
Внесу я эту истину в скрижаль:
Мужчины, не познавшие меня,
Мне так вас жаль...

**Розалия Бланк
(Бердичев)**

Родилась в Молдавии. Первая публикация в 1965 году. Закончила литературный факультет ЛГПИ им. Герцена. Работала в городской газете города Бельцы. В Израиле с 2006 года. Финалист и призер «Эмигрантской лиры – 2012». Член редколлегии международного литературно-художественного альманаха «Вереницы». Сборники: «Из сердца и души», 1993г. Бельцы, «Где зеленой трава», 1996г. Кишинев, «С моей руки браслет», 2008г. Томск, «Три окна на юг», 2012г. Израиль, Нетания. Печаталась в альманахах, журналах и периодических изданиях России, Молдовы и Израиля.

Я снова плакала во сне

Я снова плакала во сне.
Мне снился дом. И мама с папой.
И клен в предутреннем окне
Стучал заснеженной лапой.

И длинный-длинный коридор,
И комната, где три постели,
И приглушенный разговор
Игрушек на высокой ели.

И апельсинов аромат
За занавескою томился,
И запах новогодний длился –
На кухне был готов салат.

Вот-вот войдут сестра и брат...
Но звон часов. И все пропало.
И плачу я под одеялом.

Израиль, Нетания

Колышет тени ветер

Я приду на луговину,
Где высокая трава,
И вдохну до сердцевины,
И поверю - я жива!
Обогрет весенним солнцем,
Пахнет липой эвкалипт,
Словно вырезан стекольцем
Ствол - старинный манускрипт.
И колышет тени ветер.
Мир прекрасен, чист и светел.
Вечный мир. Он здесь, со мной.
Я жива. И он живой.

Лев Вайсфельд

Родился, учился, работал, служил и сочинял в Одессе. Теперь живёт и пишет в Нетании. Издал сборник черновиков и набросков.

Ты ко мне относишься никак,
А его ты просто ненавидишь.
Не за то, что он не знает идиш,
Не за что-нибудь, а просто так.

Я к тебе обратно отношусь.
Ты сама, надеюсь, это видишь:
Ничего нахально не прошу
И немного понимаю идиш.

Лучше ты меня возненавидь -
Растолстею - съем бидон варенья,
Идиш позабуду хоть на время.
Перееду в Южный Тель-Авив.

А потом случиться, может быть, -
Ты очнёшься, в лоб себя ударишь,
Внятно скажешь: «Где ты был, товарищ?
Идиш помнишь? А ведь мог забыть.»

И меня с собой как на убой,
Ты потащишь идишу учиться.
Вот такая нервная любовь
Между нами может приключиться.

* * *

*«ты же знаешь,
что бывают разные любви»
(из недоговоренного)*

Ходит женщина по комнате,
чуть серёжками звеня,
то ли думает о ком-то
то ли любит не меня.
Отчего я с нею спутался,
отчего мне так везёт –
и красавица, и умница,
и готовая на всё.
Не любовница, не дочка,
не сестра и не жена,
день за ночью, ночь за ночью
удивляюсь,
кто она?
Обожаю целиком её,
значит, всё-таки родня,
ходит женщина по комнате,
слышу,
любит не меня...

* * *

Я не поклонник крупных форм
В литературе и в постели –
«Войну и мир» я еле-еле
Прочёл. Мне страшно до сих пор.
Когда симфония звучит,
Когда Христос себя являет,
Душа и тело отдыхают –
Не разгружают кирпичи.
В литературе всё сложнее –
Ценой огромного усилия,
Как Измаил или Бастилию,
Романы я штурмую в ней.
Друзья мне говорят: «Пора
Тебя подвергнуть остракизму.
Ты сжал роман до афоризма.
Теперь там чёрная дыра».
Всё правильно: романы – корм,
Амброзия моей натуре.
В постели и в литературе
Я не поклонник крупных форм.

**Лидия Гинзбург
(Лифлянд)**

Родилась в городе Запорожье в Украине. Закончила Донецкий государственный университет. Занималась научной работой. В Израиле с 1991 года. Работает преподавателем русского языка и иврита в общеобразовательной школе. Стихи пишет с детства. Есть несколько сборников.

* * *

С утра до ночи, с ночи до утра,
Как Парки нить, бессменно и навеки,
Как будто ради собственной утехи,
Прядет неутомимый шелкопряд.
Ни сесть, ни отдохнуть, ни смежить веки.

Года беззвучно выстроились в ряд,
Неторопливо тянутся, летят –
И так струится пряжа золотая,
Стекает, в черной бездне пропадая.

И чудится: в тягучей полутьме
Шершавый кокон тишину взрывает,
И спутанные нити разрывает,
И легким пухом сеет по земле.

* * *

У неубранной постели
Всю неделю напролет
В карауле плачут ели,
Как в предчувствии невзгод.

У разваленной сторожки
Одиноко стонут кошки.
Разгулялись на ночь кошки
В ожидании зари.
И плывут, плывут узоры
В нашей спальне на окошке,
И гулять меня сегодня
Ты, мой милый, не зови.

Михаил Княжанский

Родился давно, до войны. Всю войну точил гильзы снарядов на заводе. В Израиле тоже давно. Забыл, сколько лет пишет стихи.

Картинка

Как затопится печь африканская,
И Израиль – второй Каракум,
Никнут жалобно кедры ливанские,
И картинка приходит на ум:

Проводов параллельные линии
И сплетения тонких ветвей –
В ослепительных бусинках инея,
И снежинки на дугах бровей.

Мании судьбы

Судьба – она совсем не скряга.
Скорее, что наоборот.
Она достоинства и блага
Рукою щедрой раздаёт.
Но часто ветренность её
Нам причиняет много грусти.
Она, желая дать нам всё,
Вдруг что-то важное упустит.
Что ж получается? Не диво,
Что вследствие её вины
Мы недостаточно красивы
Иль недостаточно умны.
Ещё обиднее, когда
Красу и ум своею властью
Судьба нам дарит без труда,
Но не даёт в придачу счастье.

**Тали Кремлякова
(Козлова)**

Сибирячка. В Израиле с 1999 года. Первый сборник стихов - «Между добром и злом» - 2004 г. Вышли ещё три сборника, в которые включены стихи и рассказы.

* * *

Рука горячая, как полдень,
как воск расплавленной свечи,
как жар протопленной печи.
А говорят, любовь не в моде.

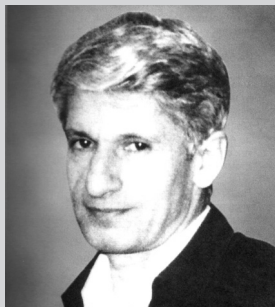
Избы наклон. В просветах - мох,
и местных птиц переполох.
Ложится тень без суеты.
Скажи, мой милый, счастлив ты?

* * *

Выла душа, как собака,
в углу жилого барака.
Луна ей казалась обиженной,
простуженной и пристыженной.

Кричала душа, как кошка –
рядилась цветной матрёшкой,
лягушкой зелёной квакала,
и горько о ком-то плакала.

Цыплёнком по лугу бегала,
травой и росой обедала.
Но только никак не хотела
обратно в родное тело.

Давид Медведев

Родился в 1935 году в Иркутске. Окончил филологический факультет Иркутского университета. Жил также в Якутске и Душанбе, более тридцати лет работал в редакциях газет, журнала, информационного агентства. В Израиле с 1993 года. Стихи и рассказы публиковались в периодической печати. Вышел сборник стихов «Впечатления».

Шофёр

По тряской улице порожний
переступает грузовик,
он приминает подорожник,
что по обочинам поник.

Там палисадник георгиновый,
здесь вместо занавески шаль.
Ведёрко около кабины
позванивает как медаль.

Грузовичок, как фронтовые
его собраты – тем пригож.
Окраина, сороковые,
Сибирь и солнце через дождь.

По временам картина эта
Захлёстывает как волна.
Окрепшей памяти полна
полуторка, а не карета.

И всё же царским выезд был.
Шофёр по имени Серёжа
и я, годов пяти вельможа,
дорогу в смену с ним делил.

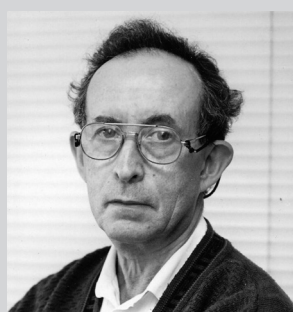
На кирзавод и в парк завоз
и за зерном на элеватор.
Топился газогенератор
берёзной чурочкой всерьёз.

И аромат того дымка
и долька сладкого арбуза –
желанней не бывало груза
и, как всегда, издалика.

Навек остался на войне
шофёр Серёжа в то же лето.
Как на дороге пыль согрета,
я босиком узнал вполне.

Но я не плакал от тоски –
был мал и не смущён вермахтом.
Отчаянным приветным взмахом
все провожал грузовики.

Гляжу в магический кристалл,
кричу, сигналю до упора...
И незабвенного шофёра,
наверно, втрое старше стал.

Владимир Мерлис

Родился в 1938 г. Окончил МИИТ. В Израиле с 1991 г. Появлением стихов обязан литобъединениям: в Москве – «Магистраль», руководитель Григорий Левин, в Нетании – «Полёту», руководитель Генриетта Солтанова. В 2004 г. напечатал сборник стихов «Резонанс». Отдельные стихи публиковались в альманахах «Роза ветров», «Чай по четвергам», «Вереницы», антологии «Звёздный ковчег», в периодике.

Пчелиные мантры

Услышав гимнов отголоски,
Непосвящённый не поймёт
Их тайный смысл, отлитый в воске
Душистым мёдом полных сот.

Блаженны хрупкие создания,
Чей нрав бесхитростен и крут
И непрерывен, как дыханье,
Исконный их певучий труд.

Нелепо преклонять колени
В высокопарной суете,
Учась у них долготерпенью
И безыскусной прямою.

Я созерцаю их, в пределы
Седьмого неба унесён,
И потихоньку то и дело
Им подпеваю в унисон.

* * *

Оставь меня, здравый рассудок,
Когда, так бессмысленно нов,
Прорвётся в пространство рисунок
Из пыльных запасников снов,

Когда, до безумия вещи,
Смеясь над рутинной родства,
Свободу почувствуют вещи
И музыкой станут слова.

Исполнится шущье веленье –
Гремящей лавиной излить
Всю влагу на почву томленья,
Но жажду нельзя утолить.

Как тщетна ты, жажда полёта,
Туда, где искрится пыльца
Задумчивых звёздных полотен,
Скрывающих облик Творца.

Генриетта Солтанова

Приехала в Израиль в 1992 году из Молдавии, г. Бендеры, во время войны в Приднестровье. По образованию филолог. Стихи пишет с детства. Автор поэтических сборников «Экспромты под музыку», «Стихи» и др. Публиковалась в литературных альманахах «Ларец», «Кодры», «Новое русское эхо», «Роза ветров», «Чай по четвергам» и др. Финалист международного конкурса поэзии в г. Ашдод в 2006 году. (Приз зрительских симпатий). Руководитель натанийского Лито «Полёт»..

Треугольник

Этот мальчик рисует скалу
вершиною вниз.
Основание, ставшее верхом,
полно людей.
Понимаю — это не глупость
и не каприз.
— Если много нас, — говорит он, —
мне веселей.
Что конструкция неустойчива —
не объяснишь.
— Наверху есть место для всех! —
утверждает он.
— Но они упадут, им больно будет,
малыш!
А вершина должна быть узкой —
таков закон.
На вершине стоит один.
Остальные — внизу.
(Это взрослые игры клоунов и актрис...)
— Одиноко ему, — утирает рукой слезу.
Этот мальчик рисует скалу
вершиною вниз.

Извини

Извини, что сегодня пусты ладони мои.
Остывают уголья слов, и холод в душе.
Я забыла вчера, как пели твои соловьи,
Я не помню вечерних фраз —
бездушных клише.
Тишина накрывает —
тонешь по самый крик.
Извини, что сегодня нет на песке следов.
Мне в глаза заглянул декабрь —
сердитый старик.
Он не знает тепла. Он с такими,
как мы, суров.
У растерянных донных рыб
небеса во льду.
Облик облака стынет сутробом.
Движенья нет.
Не замёрзни на скользкой дороге.
Я не приду.
Слишком призрачен путь.
Слишком белый сегодня свет.

Галина Таск

Большая часть жизни - Дальний Восток России, откуда в 1997 году судьба привела в Израиль. В прошлом — учительство, телевизионная журналистика. В нынешнем — просто жизнь: семья, дети, внуки. И стихи. Несколько сборников

* * *

Отпусти в ромашковое поле -
Ветер летний весточку принёс.
Отпусти на волюшку - на волю
Погулять средь сосен и берёз.

От зимы душа моя томится,
Пропиталась холодом насквозь.
Мне бы солнца жаркого напиться
Да умыться капельками рос.

Отпусти — звала меня синица.
Отпусти — звала меня река.
Распушили сонные ресницы
В небе легкокрылом облака.

Отпусти, и вдруг утихнут боли
На закате тающего дня.
Отпусти...В ромашковое поле
Отпусти, пожалуйста, меня.

* * *

До одури пахнет миндаль.
На улице шумно и жарко.
Луна - золотая медаль
На лацкане звёздного парка.

И всё ещё ждёт впереди,
И кружится в вальсе планета.
И трудно на «ты» перейти,
И ждать на вопрос свой ответа.

У этой воздушной ночи
Миндального цвета оправа.
И падает тихо на травы
Роса из небесной парчи.

До одури пахнет миндаль.
Распахнуты окна, как души.
И кто-то единственный нужен,
Чтоб вместе в счастливую даль.

Юлиан Татти

Родился в 1-й половине прошлого века. Окончил РГУ по специальности «Астрофизика» и аспирантуру Ростовского ИСИ по защите от вибрации. Работал преподавателем физики и научным сотрудником в РИСИ. Стихами заразили друзья на исторической.

*Жизнь моя - кинематограф...
(Ю.Левитанский)*

Жизнерадостный пострел
Незаметно постарел.
Жизнь мелькнула кинолентой -
Толком и не рассмотрел.
Сколько было важных дел?
Сколько было влажных тел?
Прокрутить бы всё сначала,
Да киношник расхотел.
Ожидания, и те
Утонули в суете.
Остаются только титры
На обтёсанной плите.

Гупт-годаври *

Пещера манила загадкой и тайной.
Река вытекала журча.
Был солнечный отблеск
от рыбки случайной
Взамен золотого ключа.

Колючие камни царапали ноги...
Вдоль стен бахромой живой
Летучие мыши висели, как йоги,
Уснувшие вниз головой.

Но вот поворот, и вдали замелькали
Десятков свечей огоньки.
В просторном, пропахшем куреньями зале
Алтарь посредине реки.

От свода и стен отражённое слово
В молитвы сплетала вода.
За тысячи лет до рожденья Христова
Так было, и будет всегда.

Ушла суета, отлетев шелухой,
Заботы куда-то ушли.
Душа в тишине проникалась покоем,
Таящимся в лоне земли.

Покоем, лишённым пространства и неба,
Покоем, где всё ни к чему,
Холодным покоем старинного склепа,
Влекущим в бездонную тьму.

Дорога обратно — как чудо спасенья,
Когда уже выхода нет.
Дорога обратно - второе рождение:
Из мрака на солнечный свет.

Жара навалилась кошмарами детства,
Навстречу то горки, то рвы,
А я всё глядел, и не мог наглядеться
На зелень весенней травы.

**Пещера с подземной рекой в Индии.*

* * *

В кухне прямо со стола
Кошка рыбу увела,
И сидит, как статуя —
Наглая, хвостатая.
Морда крайне честная,
С кражей несовместная.
Ничего не выдаёт
Преступление её.

Кошкин вид напомнил мне
Лица многие в стране.

Елена Элентух

Родилась в СССР. Адвокат. В Израиле давно. Стихи начала писать недавно

Антоновка

Она была чудаковатой,
носила суперские стрижки,
последний год живя на даче
со старым кокером английским.

Вязала вечное вязанье,
варила летнее варенье
и наливала в блюдца осам,
творя высокий акт даренья.

И солнце поднималось рано,
и звёзды поздно расцветали,
от гроз листва блестела жирно,
а георгины провисали.

Внезапно наступила осень.
Тоску лысеющего леса
лечила выдохшимся спиртом,
давно хранимым для компресса.

Сидела долго на веранде,
бессмысленно сжигая спички,
под барабанчики дождя
пугаясь криков электрички.

Антоновки забытый запах
вдохнула так, что заломило.
На выдохе спросила: «Ты...?»,
а как дышать потом забыла.

Я мою маму

Поизносились-то платьё твоё,
видно основу.
Вот подлатаем, будет новё,
веришь ли слову?
Снизу морщИт, сбоку висит,
мы лишь хохочем.
Льётся вода, лучше про жизнь,
а не о прочем.
Тёплой ладонью мыло смахну,
взгляд твой из детства.
Ну-ка, нагнись, спинку потру,
ты моя детка.
Как у подростка руки тонки,
светится кожа.
Это купание внучки почти
очень похоже.
Дети ведь тоже в своей наготе
«не имут сраму».
Это же счастье...
Льётся вода.
Я мою маму.

Герман Донхин

Родился в 1952 г. в Ленинграде. Позже часто менял место жительства: 20 лет прослужил в Советской армии. После армии немного поработал учителем истории в средней школе. Поэзией серьёзно увлёкся в 1966 году. В 1993 г. приехал жить в Израиль.

О стихах

Стихи приходят не спросясь,
Чем занят ты и что случилось,
Являя подлинную власть,
Даруя истинную милость.

Всё, чем душа твоя жива,
В них так и рвётся из-под спуда.
И появляются слова,
Рождаясь будто ниоткуда.

И то, в чём ты не видел смысл,
Чему не придавал значения,
Само высвечивает мысль
Иного, главного прочтенья.

* * *

Пятый год отмеряет мне осень хамсины,
Пятый год, как вернулся на землю отцов.
И уже не плывут по ночам бригадины -
Изменился узор незатейливых снов.

Это вовсе не плач по погоде вчерашней.
Не смешно ли грустить,
вспоминая о ней?
Просто, видно, душа по привычке
всегдашней
Ищет что-то родное в мелькании дней.

В предрастветную тишь
открываю окно я:
Ни звезды не заметно на небе пустом.
А на старом столе, не давая покоя,
Ожиданье застыло открытым листом.

Ноябрь

Сюжет ноября достигает финала.
Раскроет ли замысел свой режиссёр?
В скрещении взглядов незримого зала
Он паузу держит, умён и матёр.

Лишь тем, кто рождён
в сокровенные сроки,
Дано угадать истечение причин.
Взыскающим взглядом творцы
и пророки
Пронзают покровы истёртых личин.

Ещё не истаявший серп бледноликий
Ласкает привал задремавшей лозы,
Но тени срывают неясные блики,
И веет озоном грядущей грозы.

И ночи, сменяясь задумчивым утром,
Погасят софиты мерцающих звёзд.
Равнины туман обволок перламутром,
И травы иззябли в дыхании рос.

Но солнце зажжёт, даже
в маленькой капле,
Такие пожары, что только держись!
Весь мир продолжает кружиться
в спектакле
С коротким и ясным названием - жизнь.

Меня пробуждает тревожное чувство,
И нету покоя в течение дня,
И даже «волшебная сила искусства»
Не в силах сейчас успокоить меня.

БОЛЬ, ПЕЧАЛЬ И... ЛЮБОВЬ

Всегда с удовольствием навожу порядок в книжном шкафу. Это не только любимое занятие, но ещё и необходимость. Полки постепенно заставляются новыми книгами. А то, что было когда-то читано-перечитано, перемещается на задние рядки и оказывается забытым. Впрочем, не навсегда, а до поры...

Как-то, перебирая книги, я извлекла из дальнего закутка потёртое от времени издание в бледно-сером переплёте и мысленно унеслась в прошлое, оказавшись в доме человека, который оставил след в моей жизни.

Её звали Рут. Перед войной, когда Европу захлестнули еврейские погромы, а фашизм набирал обороты, она вместе с мужем и маленькой дочкой покинула родную Польшу и добралась до Украины. Но лето сорок первого снова заставило бежать. Теперь — в Среднюю Азию. Входить в новую жизнь было непросто. Чтобы работать в начальной школе, пришлось учить русский и узбекский языки. Трудно было. Но она искала и находила пути к сердцам ребят. Уроки превращала в маленькие спектакли или в игры. Детям это нравилось, они полюбили свою учительницу. Сама же она никогда не переставала учиться у человека, который когда-то помог ей поверить в силу добра, в силу слова...

* * *

... Однажды в моей квартире раздался телефонный звонок.

— Я тут вещи мамины разбираю, — сказала мне Эмма. — Добралась, наконец, и до библиотеки и нашла несколько книг на русском языке. Подумала, что ты не откажешься взять их себе. На память...

Аккуратно сложенная небольшая стопка книг уже ждала меня.

— А вот этой книгой мама особенно дорожила. — Эмма взяла в руки бледно-серый томик, прижала его к себе. Задумалась. Видно, вспоминала что-то. А потом, помолчав, сказала:

— Я не знаю русского языка. Впрочем, как и многие, родившиеся здесь, в Израиле. Так пусть эта книга будет у тебя.

Похоже, Эмма что-то не договаривала. Я приняла томик с таким чувством, будто мне вручили некую тайну, которую надёжно хранили то ли в сердце, то ли в ларце... И вот сердце остановилось, а ключ от ларца спрятан. Зная, что в последние годы Рут много писала, я спросила:

— Скажи, ты нашла мамины тетради? Она говорила, что прячет их вот в этом зеркальном шкафу.

Эмма удивилась:

— Тебе что-то известно о них?

— Только то, что она их писала для вас, своих детей. Но о чём, мне неизвестно.

Тут Эмма пристально посмотрела мне в глаза и сказала, что в одном из своих писем мама просила передать эту книгу мне. Но зачем? Книга как книга... Разные мысли теснились в голове, но ответа я не находила. Видно, моя собеседница всё-таки что-то не договаривала.

— Погоди, погоди, Эмма. Подумай, может, с этой книгой или с её автором было связано что-то очень важное для мамы?

Эмма вновь погрузилась в свои мысли и после затянувшейся паузы, которую я не решалась прервать, сказала:

— О, это довольно странная история, и о ней мама никому, кроме меня, не рассказывала. Думаю, она мучила её всю жизнь. Присядем. — Эмма придвинула кресла к столу. — Сейчас я, кажется, начинаю понимать, почему мама хотела, чтобы после её смерти книгу я передала тебе... Видно, пришло время рассказать историю, которая может стать, в некотором смысле, поучительной. Историю, которая и связала маму с автором этой книги.

— Януш Корчак. Что, Рут была знакома с ним?

— Случилось это, когда мама была совсем ещё юной...

* * *

... Рут в слезах вбежала в свою комнату и, хлопнув дверью, упала на кровать. Зарывшись в подушку, она плакала, подавляя рыдания. Тяжёлая волна обиды захлестнула её. Дышать становилось всё труднее, сердце посылало гулкие удары, болью отдающиеся в висках. Рут ещё сама не могла разобраться в своих чувствах: то ли это была ревность, то ли просто уязвлённое самолюбие... «Всё равно нет, нет тебе прощения!» — стучала назойливая мысль. Девушка встала, подобрала с пола скомканное письмо своей лучшей подруги и снова перечитала: «Ты слепая, Рут, — писала Сабина. — Войтек тебя не любит. А у нас с ним близкие отношения...».

Дрожаящими от волнения руками она нервно перелистала альбом и нашла то, что искала. С фотографии, аккуратно вставленной в дугообразные уголки, на неё смотрел Войтек. Его пухлые губы тронула лёгкая улыбка, обозначив ямочки на щеках. «Пре-

Лариса Мангупли

датель! — в сердцах произнесла Рут. Она вытаскивала из креплений фотографию, пробежала глазами по строчкам на обороте, выведенным аккуратным красивым почерком: «Милой Рут от того, кто помнит о ней всегда. Войтек». — И это так ты помнишь обо мне? Лживые твои глаза...».

Острые ножницы безжалостно проткнули фотографию. «Вот так-то лучше», — подумала Рут. Теперь на лице вместо глаз зияли дыры. Но уже в следующую минуту от этого зрелища ей стало жутко. Она не могла смотреть на своё творение, взяла конверт, вложила в него фотографию, написала адрес и убежала из дома.

Через несколько дней по городку разнеслась весть о самоубийстве Войтека. Рут казалось, что и сама она умерла вместе с Войтеком. И только сильное угрызение совести давало знать, что она ещё жива. Но как жить-то с таким грехом на душе? Чем искупить свою вину? И возможно ли искупление, если ты стал причиной смерти человека? Ответов на мучившие вопросы Рут не находила.

* * *

... — Поплачь, поплачь, детка. Слёзы смывают горечь. Войтека они не вернут, но душу облегчат. — Раввин усадил Рут к столу. — Только ведь долгими страданиями ты себе не можешь, а вот здоровью навредишь. — Он снял с книжной полки фолиант в тёмно-бордовом переплёте и протянул его Рут. — Знаю, Тору ты изучаешь, а вот эту книгу вряд ли.

Рут утёрла слёзы и прочитала: «Тания. Ликутей аморим». Она наугад открыла страницу сборника, в котором собраны высказывания святых, мудрецов, учителей иудаизма, и стала вслух читать: «... все страсти — хвастовство, гнев и другие подобные чувства — коренятся в сердце... А место пребывания божественной души — мозг человека...».

— В нас две души — животная и божественная. И они постоянно соперничают между собой, — пояснил раввин. — Эмоции часто берут верх над разумом, и тогда мы не осознаём своей страсти, своего гнева, злобы, ненависти и совершаем поступки, за которые потом бывает стыдно.

— Так скажите, ребе, зачем же Творец поселил в нас животную душу?

— Чтобы испытать нас. Животная душа стремится покорить мозг, а божественная — сердце. Но когда животные чувства берут верх, мы совершаем грех.

— Я поняла, ребе... Но почему Войтек покончил с собой? Из-за меня?

— Я думаю, что его божественная душа не вынесла ни твоих переживаний, ни собственных. Потому и принял решение уйти из жизни. А тебе, девочка, надо продолжать свой земной путь и главное — вынести урок из случившегося. Он поможет тебе научиться любить.

... — Любить, любить, — твердила себе Рут, — кажется, это так просто. А на самом деле... — Она заглянула в кабинет отца. Он что-то читал.

— Входи, дочь. Я как раз хотел тебе предложить кое-что. Вот купил книгу «Как любить детей» моего коллеги Януша Корчака. Думаю, это прекрасное пособие не только для врачей, учителей, родителей. Посмотри. Тебе это пригодится...

Ночь напролёт Рут читала книгу, а утром написала её автору письмо-исповедь. Наверное, не только для того, чтобы лучше понять себя и осознать случившееся. Она обращалась к человеку, умевшему по-настоящему любить, понимать, прощать. Януш Корчак на письмо ответил. Их переписка продолжалась несколько лет, пока не прервала её война. Позже Рут узнала, что 5 сентября 1942 года воспитатели Дома Сирот и двести их учеников вместе с Корчаком под дулами автоматов прошли по улицам замёрзшей Варшавы к вагонам у Гданьского вокзала... Поезд отправлялся в лагерь смерти в Трешлине...

Я вновь открыла книгу Януша Корчака. С портрета, кажется, в самую душу проникал взгляд писателя, врача и педагога. В его глазах застыли боль, печаль и... любовь.

Инна Костяковская

Поэт, член Союза русскоязычных писателей Израиля, автор трёх поэтических сборников: «На пороге истин», «На перекрестке Судеб» (Хайфа, 2012), «Храм Души» (Украина, 2012). Родилась в Донецке в 1966 г. С 1991 г. живёт в Израиле. Ведет свой блог на медиа-портале «Киес Еврейский» и в журнале «Семь искусств». На форуме портала «Заметки по еврейской истории» ведёт свою поэтическую страницу. Публикации в журналах «Зарубежные задворки», «Мастерская» Е. Берковича, в альманахах «Хайфские встречи», «Арфа Давида», в газете «Индекс Галилеи».

Мотивы...

Кому сейчас поэзия нужна?
Когда в почёте грубые поделки,
гармония становится чужда,
слова и чувства так обидно мелки...

Кому нужны души твоей мотивы,
летающие куда-то за моря,
Пропали Музы и умолкли Лиры,
замерзла песнь на дате января*.

Но остаётся призрачная нить,
пусть паутинкой тонкой на балконе...
И хочется стихами говорить
в последнем вздохе, крике или стоне.

*28 января умер И.Бродский

* * *

Забывтое кино...
все в черно-белом цвете,
но нам с тобой дано,
понять мотивы эти:

гитарная струна,
наигранная драма,
далёкая страна
экранного обмана.

Забывтое кино
и смех, и голоса
актёров, что давно
живут на небесах.

Их вечная тоска
с моей соединится...
И белого листка
заполнены страницы.

Я так торопилась жить...

Я так торопилась жить,
летела всю жизнь куда-то,
что эту цветную нить,
которой шиты закаты,
капли дождя, рассветы
я потеряла где-то,
где-то на полпути,
где-то в далёком лете...
Как мне её найти
на чёрно-белом свете?

* * *

Вся жизнь - метафора, обман,
иллюзия и тьмы, и света...
и кровь, текущая из ран
философа или поэта,
опять распятых на крестах,
несущих тягостную муку,
за то, что в музыке, в стихах,
нам, грешным, протянули руку.

Поэзия, не уходи!

Мы ничего не потеряли,
пусть новый наступает век,
но их серебряные дали
тревожат нас дрожанием века,
тревожат нас слезой гремячей,
и болью острою в груди.
Строфа, волненье, мысли, случай...
Поэзия, не уходи!
Не уходи, разгонит тучи
свободный ветер точных рифм,
мелодией былых созвучий
всю серость в мире победив.

Ирина Явчуновская

Посиделки под луной или сказки для маленьких и больших

— По какому мановенью
сны мелькают вереницей?
Что же в этих снах творится?
— В них кружится чудо-птица.
— Птица в ярком оперенье
как пришла из небылицы?

Где летала эта птица,
не желая приземлиться?
Почему все сосны, ели,
ветры, звезды и капли
из небесной колыбели
собрались на птичьи трели?

— Чтобы выюги и метели
на мгновенье улетели.
Чтобы все перевернулось,
покачнулось,
всколыхнулось,
Став таким, как мы хотели.

Одуванчик

В огромном дремучем лесу,
Где укрылся солнечный зайчик,
Свой пушок окунул в росу
Очень маленький одуванчик.

Его окружали дубы
И огромных размеров сосны,
И мечтал одуванчик быть,
Словно дуб, огромного роста.

Он мечтал достать до луны
И подбросить её, как мячик,
— Ах, как жаль, что все это сны!—
Думал маленький одуванчик.

Но большой лохматый лопух
Укрывал его: — Спи, мой мальчик!
Далеко полетит твой пух,
Мой кудрявый друг, одуванчик.

Попадешь и ты на сосну,
Прикоснешься к душистым веткам,
Улетишь и ты на луну
И закружишься вместе с ветром.

А пока в притихшем лесу,
Где укрылся солнечный зайчик,
Окупись с головой в росу,
Спи, мой маленький одуванчик.

* * *

Решил король луны Лун Ор
Соткать крупнейший ковер.
И повелел король Лун Ор:
- Ах! Я прошу такой ковер,

Чтоб колыхался он вдали,
Такой, чтобы достиг земли.
Созвал он миллион ткачих,
Прядильщиц, мастериц, портних.

И пригласил сто тысяч слуг,
Уселись все на лунный луг.
Весь лунный люд, весь лунный двор
Все ткал и прядь большой ковер.

И серебристые снега,
Растаяв, стали, как шелка.
И вот роскошнейший ковер
Покрыв вершины наших гор,

Скатился вниз и по волнам
Он потянулся прямо к нам.
Дорогой млечной над волной
Теперь сверкает под луной.

— О, как я рад! — сказал Лун Ор,
Создав опять весь лунный двор,
— Ведь все старанья хороши,
Когда подарки от души!

Марина Симкина

**Из белого, целого —
из абсолюта...**

Из белого, целого — из абсолюта —
Носик проклонился, чудо минуты...
А нам это чудо уже не ново:
Вчера и сегодня, и завтра снова!
Для нас эта новость — уже не чудо:
Простой переход: сюда — оттуда.
Видели, слышали, кушали, знаем —
Просто по осени посчитаем.
А что не понять, ни за что, никогда —
Свой переход: отсюда туда.

Оставить август...

*Оставляю «Август» на календаре
Вениамин Велерштейн*

Оставить август на календаре...
Ещё хоть день прочувствовать
как летний,
И не глядеть в окно, где всё заметней
Нам будет, что уж осень на дворе.
Оставить незаполненной тетрадь
И не закрыть дочитанную книгу -
Ещё немного додышать её интригу,
Дорифмовать, додумать, доиграть...
И не снимать портреты со стены,
Пусть хватит их ещё на наши жизни.
Внимая их любви и укоризне,
Насколько проще не согнуть спины!

Аквариум

У нас свои камни, своя морская трава.
Своя стихия, неясный вам разговор.
Мы смотрим на ваши движенья
и ваши слова.
Прочесть пытаемся всплесков
ваших узор.
Большого аквариума нас
разделяет стена.
И мы временами в неё тычемся лбом.
Мы плаваем рядом, привольно
и вам, и нам.
Но думает каждый,
что это другой за стеклом.

Евгения Босина

Всё перепутано навеки:
Любовь — со скукой,
мир — с войной,
Бедя — с победой и реки —
С живой и мёртвой водой.

И длится путаница эта
Тысячелетие или два:
Мы перепутали планеты,
Эпохи, страны и слова,

Вокзалы, судьбы, лица, даты...
И ты — при ярком свете дня —
Совсем случайную когда-то,
Всё спутав, принял за меня.

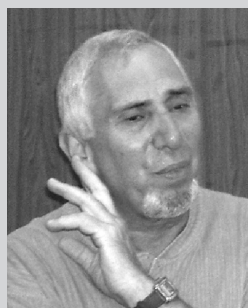

Семён Гендель

Как удержаться на волне
В потоке бешеного ритма,
А, оказавшись в тишине,
Не резать время острой бритвой?

Уравновесить на весах
И ясный день, и непогоду,
А стрелки на моих часах
Перевести назад на годы,

Где жизнь, гигантский палиндром,
Ведёт отсчёт с конца в начало,
Где мой старинный львовский дом
Мерцает окнами устало...

Юрий Лейдерман

Я с детства знал, что я другой:
От слова, возгласа и взгляда.
Коснусь ли дерева рукой,
Оно мне выдохнет: "Не надо.

Я не твоё, и ты не мой.
Иди, считая дни и годы,
За тридцать земель домой,
Где нет февральской непогоды".

Откуда это? Почему
Всё возвышающее слово
Пристало к сердцу моему,
Как слёзы к небесам Иовы ?

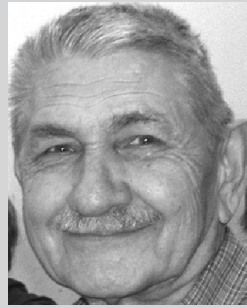
Россия ! Лесом и рекой
Ты не со мной одним не спелась.
Я с детства знал, что я другой.
А так любить тебя хотелось!

Тамара Ростовская

Подари мне сегодня улыбку.
Ах, улыбка твоя хороша!
В этом мире, жестоком и зыбком,
Без улыбки черствеет душа.
Подари мне лишь доброе слово,

Что дороже подарка любого.
Повторять его стану я снова,
Вспоминать от зари до зари,
А завтра, пожалуйста, снова
Слово доброе мне подари.

Владимир Маркин

Нитка паутины
Поперек окна.
У меня, любимая,
Ты одна.
Серебром одарена
Неба синь.
У тебя, любимая,
Я один.

Марк Тверской

Я рос ребёнком немощным и вялым.
Я помню печь холодную в углу,
Окно, завешенное одеялом,
Сопревшую солому на полу.

При повседневном голоде, до рвоты,
Меня тошнило от невкусных каш.
Мне мама подержать давала фото
И говорила: «Это папка наш».

Я повторял за взрослыми неловко
Слова, чей смысл от меня был скрыт:
Эвакуация и светомаскировка,
Убит, контужен, ранен, инвалид.

А наш сосед, безногий дядя Гриша,
Кричал на маму Таськи, сжав кулак:
- Не думай, что война тебе всё спишет,
Война войной, но ведь нельзя же так...

Эдуард Фишер

Надежда

Порою жду:
Вдруг прозвонит звонок,
И ты войдешь,
И тихо скажешь: «Здравствуй!
Мы разлучились на короткий срок,
И я пришла за позабытой лаской...»
О, девочка моя!
Когда бы так —
Тебе отдал бы всё тепло на свете,
Из глаз твоих изгнал бы мёртвый мрак
И солнечными бликами расцветил.
Ведь по орбите, медленно скользя,
В таинственном и вечном небосводе
Навек уходят близкие, друзья...
Любимые, я верю, не уходят!
И, может, скоро прозвонит звонок,
И ты войдёшь весёлая, как прежде...
Ведь мы расстались на короткий срок,
Вручив две жизни радужной надежде.

Елена Текс

Разбросал стихи повсюду,
будто бы рассыпал просо,
Чтобы я его клевала,
и одуматься не дал.
Я упорно избегаю взглядов
и немых вопросов,
Зачарована стихами,
как под дудочку удав!
Кожей впитываю звуки,
отравляясь, словно ядом.
Разгадать пытаюсь,
что же спрятано в словах твоих.
Это брошенная карта —
в ней печаль с разлукой рядом,
Та, что выдана судьбою
нам с тобою на двоих!
Я еще сопротивляюсь,
и сказать себе не смею:
«Что-то, все же, надо делать...
Жизнь у каждого одна...».
Но подумаю и сразу я пугаюсь и немею,
Втянутая в мутный омут,
в наше озеро без дна.

Двора Яблонская

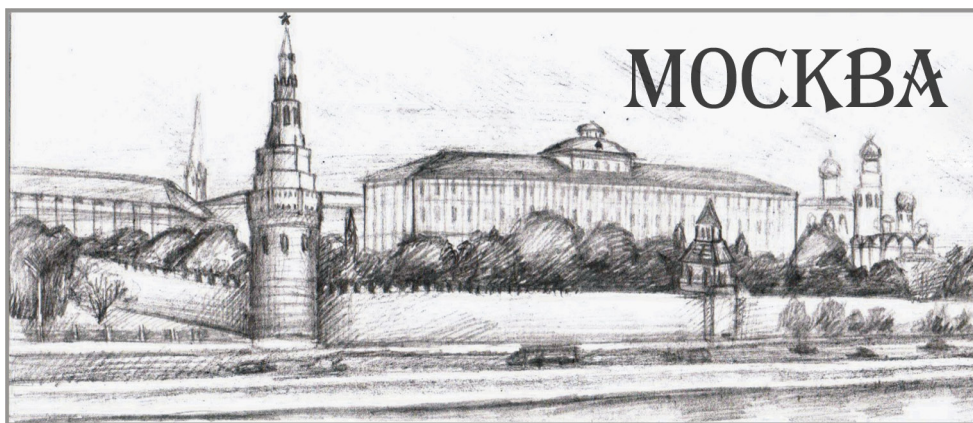
Осень

Завернуть колени в плед,
Забинтовывая след
Осени скрипучей.
Подарить тебе предмет,
Чтоб спасал от всяких бед,
От тоски падучей.
Завязаться узелком
Над твоим высоким лбом —
Не расчешешь гребнем.
Самолёт схватить за хвост.
Чтоб с тобой меня унёс
В шёлковые бредни.

Мария Фердман

Дождь за окном умывает улицы,
Крыш черепица стала красней.
Белые розы в вазе красуются,
Это я их спасла от дождей.
Их тонкий запах наполнен свежестью,
Каждая роза, как снег, бела.
Если б ты спас меня своей нежностью,
Может, и я бы ещё цвела.

МОСКВА

СИНИЦЫ В РУКАХ

...Когда утренняя серость поднялась к частому переплёту окна и беззвучно полилась через подоконник в дом, у него всё уже было почти готово. Сапоги перевязаны бечёвкой под отвернутыми голенищами. Двойные ватные штаны вправлены глубоко в кирзовые раструбы. Носки шерстяные, хоть и штопанные, но тёплые. И, на всякий случай, две пары – вдруг протрётся одна? – замёрзнут ноги – тогда беда... Сверху заслуженный и колючий свитер. Под ним фуфайка, конечно. Надеть ватник, взять корм и можно в путь.

На крыльцо маленького сутулого дома вышел коренастый мужичонка, плотно, по-походному, упакованный. Внимательно осмотрел просевший угол, словно ждал от него какого-то движения или ответа, недовольно крикнул, спускаясь по истерично визжащим ступенькам крыльца, пробормотал себе под нос: «Ветшает, как же всё ветшает...», – и двинулся к опушке. «Да зато своё, маленькое, но своё» – мужичонка зацепил и понёс с собой следующую мысль. Шёл он скоро, мелко и ловко семена короткими ножками по стылой грязи.

Утренний обморочный туман то проглатывал его без остатка, то оставлял ненадолго в ложине, продуваемой колючим морозным ветром. Мужичонка шёл, почти не глядя под ноги, сотни раз хоженной тропой, и беспрестанно что-то бормотал. Дорогу от крыльца до опушки заняла мысль о ветхости построек вообще и его домишки, в частности. Самодовольное покрывание и фраза о тёплых вещах, согретых ногах и его – мужичонки – предусмотрительности засели в развилке молодого ясеня, задумчиво наблюдавшего с опушки за приближением зимы. Туману досталось оханье, приглушённая ругань – мужичонка оступился – и глубокомысленное заключение о том, что своя рубашка всегда ближе к телу и носить её лучше, не снимая, пока не набегали всякие.

Слова растягивались в белёсом, почти осязаемом воздухе и повисали гирляндами от берёзы к сосне, к дубку, ещё одной сосне... Они покачивались, напивались туманной липкой серостью и плавно опускались на тропу вслед за мужичонкой. Как, впрочем, и всегда. Сколько раз ходил он этой дорогой, сколько переговоров по пути... В любую погоду, каждый день. Тропа зарастала, будто специально, чтобы досадить, валялись поперёк неё толстые стволы вроде бы совсем ещё здоровых, негнилых деревьев. Но он упрямо продирался сквозь бурелом, вперемышку чертыхаясь и причитая. Каждый день шёл кормить птиц. Своих птиц.

Вот и она. Маленькая, затерянная в лесу полянка, почти совсем уже скрытая от глаз кустарником и молодым березняком. Мужичонка выпал из объятий ельника, перевёл дух, отряхнулся и вразвалочку, по-хозяйски, двинулся к изломанному ветрами клёну, невесте как выросшему здесь, посреди аскетичных сосен да сторожких берёз. На нижней ветви, как раз на уровне груди, висела справная, крепко сделанная кормушка. Мужичонка глянул на неё, полез было в карман за кормом, но вдруг остановился и понурился. Внизу, у корней, застыли в жухлой, окоченевшей траве два жёлто-синих комка перья. Мужичонка поднял птицу бережно побаюкал, зачем-то подул на грудки. Перья и пух разошлись, обнажив голую птичью кожу со страшными внутренними кровоподтёками на ней.

Владислав Кузнецов

Год рождения 1979, по образованию провизор. Занимаюсь педагогической деятельностью. Люблю путешествовать. г.Москва

– Синички-и вы мои... – протянул он со всхлипом, – Что ж вам не живётся, а? Родимые... Я ж вас кормлю. Люблю я вас. Нет же никого у меня больше-то...

Постоял возле клёна, вздохнул и побрёл в сторону – к разметававшемуся по земле можжевельнику. Аккуратно и нежно положил синиц на землю, выудил из смолистых кустовых недр сапёрную лопатку и принялся ковырять ею мёрзлую землю. Через четверть часа два холмика стали в ряд с ещё несколькими, такими же маленькими, сиротливыми и голыми.

Мужичонка спрятал лопату, шмыгнул носом и, часто смаргивая холодные злые слезинки, снова пошёл к кормушке. Он любил кормить птиц. Своих синиц. Держать их в руках и любоваться тем, какие они круглые да бойкие. Он так гордился своими синицами... Каждый день приходил к ним. Столько лет. Они привыкли всегда есть до отвала. Пировать даже в самые лютые морозы и жестокое ненастье. Правда, жизнь мужичонки не слишком-то складывалась в последнее время, и с кормом было сложно. Но не мог же он бросить своих синиц. Они ждали его, они привыкли к сытости. Вот и придумывал, что мог. Старался. Ещё и праздник хотел им устроить. Ведь птицам, не всё ли равно, что клевать? Мужичонка достал из кармана мешочек, аккуратно и крепко перевязанный шпагатом. Не торопясь раскрыл его и насыпал в кормушку мелкие разноцветные осколки.

– Вот, кушайте, мои хорошие, – приговаривал он, – это вам от меня. С Новым годом, значит. Наступающим. Это ж мои шарики были. Не бось! Чужого не насыплю! Бабушка моя, бывало, ёлку украшала этими вот шариками, а я, дурень малолетний, бил их по неразумению. Но хорошо, собрал все осколки, все до единого. Вот и пригодились. Сколько радости было мне от этих шариков. Теперь и вам радость будет. Всё, что и осталось от жизни-то – вы, мои хорошие, да осколки эти. Две радости. Да и корм, по правде сказать, весь вышел. Ну ничего, поклоните, маленькие, поклоните...

Он бормотал над пустой кормушкой, будто впад в забытие. Ключья тумана пронесли над поляной, ветер гнал мелкую снежную крупу и горстями бросал её в твёрдую терпеливую хвою лесных крон.

Мужичонка вдруг замолчал, распахнул неожиданно яркие, светящиеся от недавних слёз глаза. Откуда-то из невообразимой дали, с края мглистого поднебесья, лился тонким замерзающим ручейком прощальный журавлинный оклик. Тоскующее и мужественное прощание уходящего к югу запоздалого птичьего клина.

Мужичонка на полянке поднял вверх удивлённые глаза и долго смотрел в стремительно мчащиеся облака. Потом опустил голову.

– Эх, бедолаги неприкаянные... Покормить бы вас...

Олег Ёлшин

1962 г. рождения, москвич. Образование высшее техническое. Женат, двое детей. 80-е – работа в театре. 90-е годы - работа в бизнесе. Туризм, реклама и т.д. – имеют мало отношения к творческой биографии, поэтому период до 2009г. пропущу. Последние четыре года занимаюсь литературной деятельностью. Автор пяти романов: “Столик на троих”, “Франсуа Винсент”, “Тейя”, “Страна Людей”, “Экшен или игра в Гения”, а так же сборника рассказов “На другом берегу” и повести “Без времени”...

Анонс произведения (отрывок повести) «БЕЗ ВРЕМЕНИ»

Он и Она. Извечная тема. Два человека проживают свои обычные жизни, превращая их в будни, топчут время свое, не задумываясь ни о чем. Как это просто, когда времени остается еще много, а “тот” берег далеко. Уже десять лет они вместе, но только стены надоевшей квартиры объединяют их. Надоевшие завтраки или ужины, надоевшая постель. Они даже позабыли имена друг друга, забыли, как выглядит их вторая половинка, у каждого свои желания, мечты, своя жизнь. Все обыденно и просто, все до боли знакомо – все как у всех. Но беда помогает им заметить друг друга и встретиться вновь.

Неожиданно Он узнает, что времени этого осталось не так много. У Нее страшная неизлечимая болезнь. Собственно, болезнью не назовешь. Просто Она проживает свою жизнь быстрее, чем прочие люди. Теперь Она живет в другом измерении, в своем времени. Ее день равняется целому году жизни нормального человека. И вот уже первые морщинки и седые волосы, а ей всего 30. Их время сжимается в один короткий месяц, за который теперь нужно успеть многое, успеть сделать то, что не смогли за целых десять лет. И начинается стремительный бег. Они несутся по этой короткой жизни, пытаясь наверстать. Они снова замечают друг друга, знакомятся, вспоминают свои имена, привычки, вспоминают, что любили друг друга когда-то... Нет, не любили. Только сейчас учатся это делать и ценить каждое мгновение.

Название примитивно, другое в голову не пришло, но именно оно отражает суть произведения. Это эссе о времени, это запретная игра, которая из обыденной и привычной превращается в мистическое преодоление ненавистного времени, которое хочется победить. Как растянуть этот крошечный отрезок жизни?

Они мечутся по странам и городам, отказываясь от бесполезного лечения, пытаясь заполнить чем-то это время, вцепиться в него и не отпускать. Находясь у гроба Господнего в Старом Городе Иерусалима и пройдя короткий путь паломника (Крестный Путь) неожиданно Он понимает одну вещь:

“Время не имеет границ, оно бесконечно, время растяжимо. Оно мимолетно, когда проходит без смысла, но стоит заполнить его, получается долгая бесконечная жизнь. И теперь Он знает, что ему нужно делать!”...

Снова и снова полет во времени - по крутым склонам и длинным дорогам, на корабле, уносящем их куда-то в неизвестность океана... У них есть все: деньги и силы, желания и возможности, любовь. Эти двое теперь понимают, что любят друг друга. Только нет одного – этого проклятого времени. Его остается все меньше и меньше, и обмануть его невозможно. А в руках только заветный флакон с бесполезными таблетками-плацебо, которые скоро закончатся. А дальше...?

Все предопределено. Они надеются на чудо, но чудес не бывает! Так ли это? Он слышит голос, который преследует его: «Ты с кем играешь, ты во что играешь?».

Но ему уже все равно. Он играет с этим временем и готов отдать Ей все. Но все предопределено.

“За любовь неминуемо нужно платить... Выплачивать немислимые проценты”, – понимает Он.

За любовь и за “нелюбовь” тоже. А вторая стоит намного дороже. Если вспомнить, сколько лет она отобрала? Безумие какое-то! Нужно было взвешивать каждый день и час на весах времени, а они слонялись по разным комнатам и коридорам... Жили не вчера и не сегодня, только ждали какого-то призрачного “завтра”. И вот это “завтра” наступило... И теперь оно невидимой призрачной краской стирало их лица, отбирая жизнь, серым песком рисовало, отбирая цвета, оставляя лишь мертвенную пустоту”.

Но он продолжает надеяться на чудо. Он помнит слова врача, который, поставив свой приговор, на прощанье сказал ему, протягивая флакончик с таблетками: – Я сталкивался с невероятными случаями в своей практике... Люди, совершенно обреченные, не имеющие возможности получить нужное лечение,... да и нет пока лечения от этой болезни, как и от многих других... Так вот, эти люди каким-то невероятным, чудесным, непостижимым образом, выздоравливали... Конечно, такое бывает редко, но случается... И поэтому я всегда держу в своем шкафу эти таблетки... Это ваш последний шанс.

– Таблетка-пустышка, – понял он. – Плацебо! Совершенно верно. На этом флаконе написано название пилюль, которое вы не найдете ни в Интернете, ни в справочниках. Такого лекарства не существует. Аскорбинка, витаминчик... не важно... Но такое лекарство ЕСТЬ! – уже громко произнес он.

– Просто нужно верить, и случится чудо... Рецепт прост. И с Богом...

Но вот уже последняя таблетка выпита, и теперь остается надеяться только на себя.

“Они знали, что сегодня что-то произойдет, оба чувствовали это и вечером снова легли в одну постель, как и прежде. Просто держали друг друга за руку и молчали. Как это удивительно - чувствовать родное существо, ощущать его так близко, не мчаться по дорогам или крутым склонам, заполняя или покупая жизнь, не плыть в бесконечности океана, оглядываясь на чужие страны и города. Не ходить на чужие праздники, не сидеть в ресторанах или на вершущке вулкана, а просто, взявшись за руки, слушать, как рядом бьется чье-то сердце. Разве бывают минуты близости, которые могут заменить такое простое занятие - держать кого-то за руку и думать о нем. О ней... Все оказалось просто! И ничего больше не нужно...”

И чудо происходит!

“Она проснулась и почувствовала невероятный прилив энергии. Легко вскочила с кровати и бросилась к большому зеркалу. Заглянула в него и остоленела! Молодое лицо, юное тело, черные волосы...”

Она повернулась и с восторгом посмотрела на него.

Он сидел у изголовья кровати и тоже смотрел на нее, а из глаз капали слезы. Они текли по морщинистым щекам, падали на одеяло, на руки, украшенные старческими жилками и прозрачной кожей. А его длинные волосы были абсолютно седыми.

– Прости меня, мы снова немножко разминулись, - прошептал он и улыбнулся. Больше не произнес ни слова...

Все предопределено...

Главы из романа «Я УМРУ РОВНО В ПОЛНОЧЬ»

Казахстан

Эх, Вася, Вася!...

Самая сказочная пора моего детства прошла в этом солнечном раю. Первые друзья, первый класс, спортивная гимнастика... Летом – неимоверная жара, безумных размеров дыни и арбузы, беседка, увитая виноградом, во дворе дедовского дома, с круглым столом посередине. Зимой – жестокие ледяные ветры, с воем гоняющие по сухой и мерзлой земле пару снежных завитков. А уж прекрасней поры, чем казахстанская весна, трудно вообще себе представить. Горы, сплошь покрытые красными тюльпанами! Синее-синее небо. Бурные-бурные потоки чистейших рек. Цветущие и благоухающие сады, в которых дала бы побег даже брошенная в землю пуговица! И еще – очень важное...

Мы – дети того Казахстана росли в обстановке абсолютного интернационала. В силу исторических причин, на которых я останавливаться не буду, на этой благодатной земле нашли приют народы десятков национальностей: русские, греки, поволжские немцы, чеченцы, уйгуры, украинцы, евреи, крымские татары, латыши и многие другие, кого железной рукой вожь всех народов Иосиф Джугашвили насильно переселил с их исконных земель. Само-собой, - казахи и даже курды.

Жили очень дружно. Дети напрополую щебетали на всех языках разом. В казахских дворах мы с удовольствием катили кошму (это такой ковер из шерсти). Поскольку этот процесс у казахов всегда был связан с каким-нибудь праздником: свадьба, день рождения и т.д., нас обильно кормили вкусным пловом с бараниной, бесподобными лепешками и поили умопомрачительным на вкус, шипучим, как игристое вино, ледяным кумысом. У немцев детей угощали вкусными булочками. Греки делали отличнейший сыр. У нас во дворе всегда было столпотворение: шум, гам, и стол в беседке был щедрым, как характер потомков донских казаков, к коим принадлежала вся моя семья. Бабушкины пироги из настоящей печи славились на всю округу.

Василий Тимофеевич – мой дед. О нем – отдельно и главное: бабник, красавец, герой войны и мирного труда, мастер по ремонту женской обуви (заметьте – исключительно женской!) и шитью дамских тапочек на каблучке, украшенных пестрыми и пушистыми «бон-бончиками» из кроличьего меха. Чтобы ярче и сочнее нарисовать его портрет, расскажу об одном эпизоде, поразившем меня уже тогда, в детстве.

Раз в год, под 9 Мая дед Василий и бабушка Меланья ходили в местную фотомастерскую, чтобы запечатлеть очередной период совместно прожитой жизни, ну и там – события разные: дети, внуки, новые пальто или шляпа – тоже причина... На этот раз в гостях у стариков были не только мы с братом, но еще и наша двоюродная сестра Татьяна, которую привезли на каникулы из уральского городка. В Башкирии она жила в большой и дружной семье из пяти человек, где всем заправляла тетя Женя – старшая дочь деда с бабушкой. Нас с Таней нарядили в самые красивые платья. Юру уговорили надеть белые гольфы, шорты и чистую рубашку с галстуком-«бабочкой». Сестре жиденькие волосы заплели в косички, а на мне дед из большой любви ко мне потренировал пьяную руку, «подравнивая» челку. Стараниями Василия Тимофеевича челка получилась совершенно кривая, но это нисколько не смутило «свободного цирюльника». Держа в руках ножницы для стрижки овец, он отошел подальше, присмотрелся внимательней, и, подойдя снова ко мне, быстро отрезал еще прядь белых, как снег волос. С чувством хорошо выполненной работы, дед удовлетворенно хмыкнул и ушел надевать свой парадный костюм, украшенный юбилейными медалями, которые ему вручали ко Дню Победы. Я осталась реветь в комнате. Когда меня позвали, все участники будущего фото уже стояли во дворе, выстроившись композиционно так, как и будут стоять на фотографии для семейного архива. Танька была симпатяшкой. Юра, хоть и надутый, но - душка. Я – уродина с вырванной чел-

Маргарита Вольнова

Родилась в Казахстане в 1963 году в семье служащих. Школу заканчивала уже в России (г. Брянск). После окончания института культуры в Белоруссии (г. Минск), в 1984 году приехала к родителям в Кривой Рог. В 2006 получила второе высшее образование - журналист. Работала в разных печатных изданиях - газетах, журналах (более 800 публикаций). В стадии завершения роман «Я умру ровно в полночь» и «Цветная сказка».

Замужем. Дочери - 24 года. Она - режиссер кинематографии. В этом году заканчивает магистратуру в Пражском университете.

кой. Но дед с бабушкой!... Это достойно отдельного слова: длинное черное английской шерсти пальто; шоколадного цвета фетровая широкополая шляпа; белое кашне! И, внимание! Черные кожаные перчатки! (Как положено: одна надета на руку, а вторая – небрежно скомкана в той же руке). Стоит, выпрямившись во весь свой двухметровый рост, слегка отставив правую ногу в шикарном лаковом ботинке, в сторону... «Как денди лондонский одет».

Черная в складку длинная юбка; плюшевый жупанчик. Голова покрыта клетчатым платком. Умостилась на краешке казенного стула, поджав под себя ноги в стоптанных коричневых башмаках. Это моя бабушка – красивейшая из женщин на всем белом свете...Надо ли продолжать? Думаю, все и так ясно...

Моя Меланья

О ней... Тихая, скромная, черноволосая и янтарноглазая казачка Меланья.

С первого взгляда можно было понять, как хороша собой она была в молодости! Лучшая в округе стряпуха и швея, добрейшей души человек. Судьбы такой же трудной, как и у большинства советских женщин, переживших тяготы военных лет. Оплакавшая по ошибочной похоронке мужа, который ушел на фронт в первые месяцы войны. Поднимавшая самостоятельно троих детей, пока дед проходил ад проверок в одном из северных лагерей после немецкого плена, из которого бежал...

Когда же дед – «лихой казак донской» вернулся живой, но малость контуженный, поднимала и его...Чаще всего подгулявшего, и молча волокла домой, брыкающегося и матерно обругивающего всех на свете, от Генсекретаря до соседа-гада.

Она готовила, мыла, стирала, шила, воспитывала, лечила и плакала ночами... Он куросел с замужними дамочками, обожающими гламурные домашние ту-

фельки, пил «горькую», виртуозно играл на гитаре и балалайке...Слыл своего рода домашним деспотом, но бывал и добр, и чуток к нам – внукам. Особенно мне нравились вечера в священный для всего советского народа праздник Победы. Дед выносил из дома трофейный патефон, заводил пластинки с песнями Лидии Руслановой и Утесова. После обильного праздничного стола он водружал меня на табурет, и мы вместе пели «Враги сожгли родную хату, убили всю его семью. Куда теперь идти солда-а-ату? Кому нести печаль свою?». Дед заодно плакал. К концу трагической истории плакала и я. Потом мы обязательно исполняли «Ты-одессит, Мишка», «В парке Чаир распускаются розы» и «Хаз-Булат удалой, бедна сакля твоя...». Смысла, пропеваемых мною слов, я не понимала, но это было неважно. Меня хвалили взрослые, и мне это жутко нравилось. Так формировался мой музыкальный вкус...Я и до сих пор, кстати, люблю эти песни.

Бабушка умерла очень рано: в пятьдесят пять. Ушла быстро и тихо...Как и жила... Только на похоронах стало очевидно, как она была мила людям, соседям, моя добрая Меланья. Я до сих пор помню ее мягкие, пушистые, вечно пахнущие ванилью, белые и красивые, совсем не крестьянские, руки. Она прижимала ими мою голову к своему животу и, нашептывая что-то очень ласковое, гладила, успокаивая после воспитательных подзатыльников со стороны родных за очередную провинность. Я совершенно уверена в том, что, если и есть у меня Ангел-Хранитель по жизни, так это моя бабушка.

Василий Тимофеевич после ее смерти еще несколько раз женился. Все браки были неудачными. Жены, в основном моложе его на десятки лет, постепенно его лишили имущества в пользу своих детей. Прожив долгую и бурную жизнь, он «почил в бозе» лет семь тому назад, последние годы, находясь под присмотром старшей дочери Евгении, в далекой Башкирии.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ СВОБОДЫ

30 апреля 2013 года я в довольно мрачном расположении духа шел в одно многоуважаемое государственное учреждение. Бывать в нем за последний год приходилось многократно, хотя общение с любой «государевой» конторой в наше время доставляет мало удовольствия. Большой Город жил своей жизнью, утопая в суе машине, их сигналах, разнообразных звуках их прожорливых двигателей, превращающих природу в окружающую среду. Машины суежливо гонялись друг за другом, пытаясь при помощи хозяев доказать свое превосходство. Люди находились в тенетах электронных коммуникационных волн, барахтаясь в них, как мухи в паутине. Мое настроение было невеселым: второй год подряд я не езжу на весеннюю охоту. Уже две весны родной тундровый домок не привлекает меня после вечерней зорьки. В прошлом году это переживалось очень обостренно: я был близок к нервному срыву. В этом году переживаю полегче, но сильно злось или даже ругаюсь, когда кто-либо из знакомых задает коварный вопрос:

– А почему ты не на тундре?

Вот и в этом году пришлось в очередной раз вместе с обитателями Города барахтаться в опостылевшей паутине, пытаясь побороть складывающиеся обстоятельства. Город шумел, сигнализировал,

работал, ругался, трещал по телефону и занимался всем тем, из чего, по его мнению, состоит наша жизнь.

Я не дошел до конторы метров двадцать. Из привычного шума Большого Города слух выделил нечто особое, живое, яркое, необычное для большинства его обитателей. Звук исчез, но как птица Феникс возродился вновь. В моем сознании вспыхнула яркая и такая до боли желанная искорка.

– Неужели гуси? – искорка разгорелась до огромного костра: яркого и теплого, обжигающего своим добрым теплом и радующего душу, истосковавшуюся по охотничьему адреналину.

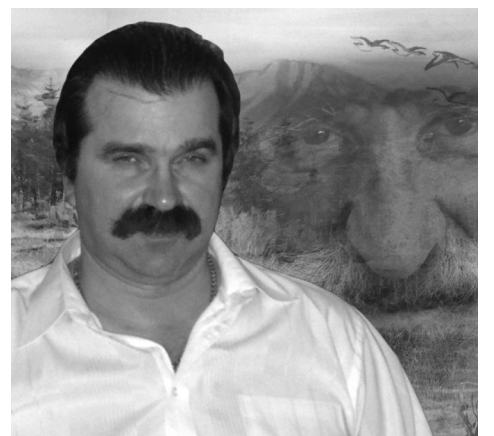
Вскинул голову вверх – в ту сторону, откуда донесся этот звук. Я не ошибся – в безумно голубом, ясном и чистом небе (такое бывает в северных городах) летели два небольших табуна гусей. Гуменники шли рядом правильными клиньями в неласковые северные края.

Было их немного – не более четырех десятков. Я остановился, пораженный увиденным и пришедшим пониманием сути произошедшего. Эти небольшие птицы смогли заявить о себе, перекричав звуки Большого Города. Кричали они не все и не сразу. Их голоса, полные свободы и достоинства, раздавались с высоты, недостижимой для человека. Они славили наступающую весну,

славили Создателя за возможность нести себя в небесной лазури. Впервые за все годы занятия охотой я услышал в их голосах то, что не удавалось услышать ранее. Короли весеннего колымского голубого неба славили еще и Свободу, великий дар который им был доступен.

Как-то сам собой в забитой проблемами голове возник вопрос, простота и величие которого повергли в легкий ступор: «Послушай, ты перешагнул полувек барьер, добыл за свой охотничий век немало гусей и уток. Ответь самому себе: кто сейчас свободен? Покоряющий воздушный океан гусь-гуменник или ты, повязанный по рукам и ногам жизненными обстоятельствами?»

Я немного подумал, наблюдая за счастливыми – удаляющимися в воздушном океане красавцами-гумешами, пытаясь самому себе ответить на поставленный вопрос. Раздумывал не долго. Ответ пришел быстро: «Увы, дружище, но свободны сейчас только летящие на север гуси. Их свобода абсолютна и не ограничена ничем, кроме сроков жизни, отведенных Создателем. Их жизнь честна, но не легка и не безоблачна. Они живут в состоянии естественной свободы, подчиняясь только законам биологического цикла, стараясь миновать риски, которые несет им данная Создателем жизнь. Но они свободны в своем выборе и именно это сейчас продемонстрировали Большому Городу, жалко расположившемуся внизу под их крыльями – на грешной Земле. Ты, даже будучи человеком, не можешь соперничать с ними в состоянии свободы, при всем прочем, имея

возможность лишить эту прекрасную птицу жизни, удовлетворив этим свой оставшийся от прашуров охотничий инстинкт. Но, даже упав на землю после твоего выстрела и став твоим трофеем, они уходят в мир иной СВОБОДНЫМИ. Ты, венец творения, лишив их жизни, так и не сможешь лишить их свободы, сам оставшись не свободным».

Гуси исчезли из виду, растворившись в небесной лазури. Я же немного постоял, запоминая услышанные мной голоса свободных птиц, раскрывших мне их тайный смысл и указавших мне на мою НЕСВОБОДУ. Я вынужденно возвращался в опостылевшую суету Большого Города, но с каким-то странным чувством. Вероятно, это было стремление к недостижимой пока степени свободы, на которую мне так неожиданно указали гуси. Вместе с этим стремлением пришла и надежда, что по воле Бога я смогу ее обрести.

Сергей МАЛАШКО

Генрих Кирсанов

Родился давно, пописывать стал несколько позже, со школьного возраста (к счастью, не сохранилось); образование - среднее техническое; ввиду обнаружившейся неспособности руководить всю трудовую жизнь пребывал, за редкими исключениями, "простым" рабочим, хотя и квалифицированным. Ныне - пенсионер.

Плач Адама

...Мы бродили по свежим морщинам земли, лишь взрыхляя, не в силах разглядить; ничего не умели, но что-то смогли - ради нас и грядущего ради.

О любимая! - гордости строгой верна, прошептала одно, умирая: никогда, никогда не жалела она об утраченных прелестях рая...

...В судный день даже ветер от страха искрил в пышной кроне запретного древа, твердь дымилась кругом и кипела внутри воплощением Божьего гнева.

Как же грозен явился Ты, праведно хмур, в «лучших чувствах» мошкой задетый! Мы предстали «пред лице Твое», Демиург, в облаченья «от Фиги» одеты.

Нам казалось - стремглав из Эдемских врат мы в предвечный низвергнуты Хаос, - тот, который не ведал ни Зла, ни Добра: ТЫ ТВОРИЛ ИХ, к нему прикасаясь.

И - не в хляби морской, не в утробах земных - в дивно лакомом яблоке спрятали: видно, мы, глинобитные, были должны овладеть этой тайной проклятой! «Слеп да узрит» - всё то, что случилось потом, было грязной игрою без правил: выполз этот (Твое же творенье!), с хвостом, и изященько «лохов» подставил...

А ему - ничего, он же ползал и так, гадом был - и останется гадом: жить на брюхе, но с яда запасом - пустяк (берегитесь, он с сильными рядом!).

...Мы, в трудах, и «плодились и множились», - верь, по Твоих же заветов напевам! Так ЗА ЧТО ЖЕ потомки шельмуют теперь их Праматерь прекрасную - Еву???

Комментарий услышавшего: Что есть женщина - «дьявольских козней сосуд»? - Нет, сосуд животворный - и ломкий, где порой, к сожаленью, нуды растут... Мы грешны перед Нею, потомки!

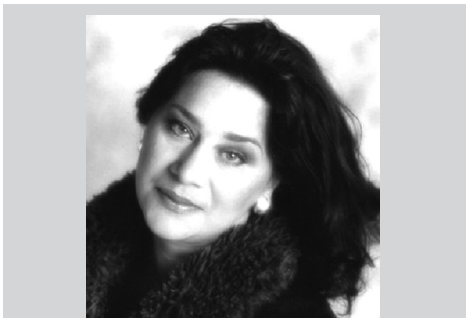
Возвращение

Искрится море солнечною галькой, стреляя светом в амбразуры глаз; его купель своею плотью жалкой сегодня осквернишь последний раз. Не пробуй пальцем воду боязливо, но, сняв покровы, отшвырни с плеча, шагни навстречу пенному приливу, как в светлый мир от дыбы палача. ...Гребок - и вдох, нырок - и выдох в воду, и вновь гребок, сдвигая Время прочь: от бытия налипшего свобода сейчас его позволит превозмочь. Пары, скользя, в среде прохладной, чудной, где руки - крылья, ноги - плавники, где просто быть самим собой не трудно, где глубь чиста и помыслы легки. Дыханья ритм, сердечное биенье

и говор вод сольются в ровный гул завесою недолгого забвенья всего того, что ждёт на берегу. А берег тот Харибдой равнодушной глотает волн медлительный накат... А цепь его тоскливо-тусклых «нужно» достаточно крепка и коротка... Так насладись объёмом моря братским, но поверни, заботами влеко; и добрый друг - волна -

в прощальной ласке лизнёт ступни солёным языком. И, может быть, останутся с тобою, ведомый к рее пленный флибустьер с петлёй на шее, рокоты прибоя, как тайный зов иных, высоких сфер... ..А может быть, живой струёй омытый, благословишь скупое бытие, наполнив смыслом, заново открытым, привычному служение своё!

Ирина Фетисова-Мюллерсон

Ирина Мюллерсон (творческий псевдоним: Ирина Фетисова-Мюллерсон) родилась и выросла в Москве. Окончила юридический факультет МГУ. Работала преподавателем права. В настоящее время считает своим домом две страны, живёт периодически то в Таллинне, то в Лондоне. Замужем, имеет двоих взрослых сыновей. Проза и стихи Ирины Фетисовой-Мюллерсон печатались в различных периодических изданиях («Казахстанская Правда», «Книголюб», «Литературная Алма-Ата», «Вопросы Глобализации»), а также вошли в сборник Библиотеки Современной поэзии «Поют любовь вам ангелы-поэты». На стихи этой поэтессы написано более сотни песен, аудиозаписи которых можно прослушать на её авторской страничке литературного портала «Изра-Читальня» <http://www.chitalnya.ru/users/iriana/>. В 2006 году вышла книга её стихов «Я не писала о любви» (Алматы, 2006). В мае 2012 года в Государственном Театре Оперы и Балета «Эстония» состоялась всемирная премьера балета «Модильяни – проклятый художник», либретто к которому написала Ирина Фетисова-Мюллерсон.

Эндшпиль

Я чувствую — Вам, сударь, нелегко Сидеть на двух красивых стульях разом! И Тот хорош, и Этот — ничего... Понятно, что заходит ум за разум! Как первый ладен! Спинка — просто шик! Второму Бог дал, ах, какие ножки! У Этого заклёпки хороши, А Тот — как будто с глянцевого обложки! Присядьте вот на Этот — так пригож... Дубовый, кареглазый, в модной коже! И Тот берите, Вам ведь нестерпёж... В берёзе сероглазой — прелесть тоже!

«Двух зайцев» параллельно гнать нельзя — Такое никому не удавалось! Лишь в шахматах играют два ферзя, Сражаясь насмерть и отбросив жалость! А жизнь сложнее, чем дебют с Е2 — Тут выборов с соблазнами, дай Боже! С азартом трезвый ум в ладу едва, И страсть с игрою правилами схожи — Когда у Вас на поле два ферзя, Возможно, Вам не хватит арсенала...

Вы что, ушиблись, по полу скользя??? Так это — эндшпиль! Я предупреждала...

Каялась

Как я ждала тебя, суженый, Господу Богу молясь... Мыслей нетканое кружево, Слов заколдованных вязь

Пересекаются наискось В тропках желаний благих... Каялась, каялась, каялась, В том, что любила других... Может, вечальные свечи нам Жизнь сберегла про запас? Мифы её не развенчаны — Буду молиться за нас...

* * *

Люблю ноябрь за полное бессилье Пленять красой несокошенных лугов... За неспособность птичьей говорильней В сердцах влюблённых пробудить любовь.

К нему не льнут весёлые сравненья С макушкой лета в синих васильках, С рождественским хоралом песнопенья Иль с новогодней ёлкой в огоньках.

Люблю ноябрь, природы завершенье До первых дней стеснительных смотрин... Но с чем сравнить бесстыдное горенье В ноябрьском небе россыпью рябин?

На распутье

Весна ледоходом проснулась мгновенно, Шальным половодьем разлившись по венам, Пока я брела берегами чужими, Впустую лелея желанное имя.

Стою у реки сумасбродства и тщетно Пытаюсь попасть я на берег заветный — Вода поднимается, топит низину... Вдруг вижу — судьбою мне мост перекинут.

Шагнула, в надежде на доброго Бога, Хоть мостик и выглядел очень убого — Тут крутит вода, и беснуются льдины, И слышится вой полоумной ундины.

А речка — всё шире, а мостик — всё уже, Но всё же опорой какою-то служит. Ступила на прелые доски настила — И в гости водица меня пригласила.

Но дверь приоткрытую видеть мне жутко, И сердце пульсирует где-то в желудке, Колени дрожат и что делать — не знаю... Теперь бы к любому приблизиться краю...

Влад Пенков

Живёт и работает в Таллинне. Писать стихи начал поздно - в тридцать один год, первая публикация так же датируется 2000-ным годом. С тех пор много пишу и изредка печатаюсь. Автор двух поэтических книг - "Ладонь Ангела" и "Тэфкер". Постоянный автор журнала "Вышгород". Член Союза Российских писателей (не путать с Союзом писателей России).

Здесь и тогда. 188n-198n

1
Давно порвалась струна. Порвалась как-то по-надсоновски. А впереди была война - с непотухающей бессонницей. А впереди, а впереди звучала музыка такая: «Ты что-то там не береги», «не уходи» и «роза Рая». Палаты скорбный коробок. Гремел он храпом и простудой. «Мой миленький и добрый Бог, Ты заberi меня отсюда.» И всё, что я Ему наврал, Он извинил за небеспечность. Что я наврал, то Он забрал в Свою трепещущую вечность.

2
Слишком тихо, с лишком - скуки. Слишком снежно , с лишком - ночь. Ах, фофановские муки! Как их тяжесть превозмочь? Торжествующие мухи посредине декабря. А серебряные звуки - не ко времени и зря. Сыплет снег. Везде дремота. Восемьдесят энный год. Непосильная забота - музыкальный поворот в запахах утренней сирени, в залпы майские грозы. « Я - один. И я не гений. Жру вино. Свинцов язык.» Полынёй луна дрожала. Но... среди похмельных нег утончалось скуки жало и полынью пахнул снег. Что-то пело и рождалось, что-то нежное звалось: серафическая жалость и фиалковая злость. Что-то новое горчило. Никогда до этих пор сердце так - в о т т а к - не билось о поваленный забор.

3
Чернее неба, слаще снов, и - тяжелее не бывало - из глинистых и ватных слов - восьмидесятых покрывало. Идёт прохожий человек, горит фонарь, сочатся звёзды, как скука из-под плотных век, как «очень рано», «слишком поздно». И пахнут копотью и стужей, и плюшем пахнут - ужин, ужас.

Коптится? что? А всё коптится на углях медленных и сонных. И прыгает по снегу птица цитатой грузной из Надсона.

4
Всякая рана - колодез, каждый из вздохов - потоком. Ночь надо мною смеётся. Ночь и - по времени - топот. Я же - покрывшийся потом - век тереблю позапрошлый, слушаю, слушаю ропот - жуткий, тоскливый, колашный. Но! Вот от этого снега этой луною зачаты ночь и фонарь, и аптека - чёрного сна отпечаток.

5
Медвежьей шкурой бурою кончается февраль. Умру ли, не умру ли я, мне снега будет жаль. «Вот этого? медвежьего? что пасмурнее туч? когда-то бело-нежного?»

Вопросами не мучь. Мне жалко умирания. Мне стыдно, что оно со мной делилось знанием, в ответ же : «всё равно!» - пока меня на вдохе пленившая печаль не сделалась эпохой, не стала вечным «жаль». Теперь бредём мы парой и «жаль» всегда со мной - Григорьевской гитарой, - как сердца перебой.

6
Чёрный дождик сыплется на дома, тонут в чёрном дожде дома. Это так привычно и знакомо и не повод, чтоб сходить с ума. Заверни сознание в газету, пропитайся сладеньким свинцом. Прочен мир и проще табурета. Пьян - слегка подпорченным вином. Ну и что, что миру никогда ты не подашь руки, не скажешь «да» ? Что с того, что облака-солдаты захлебнулись кровью навсегда ?

Мария Розенблит

Родилась и выросла в Украине под Киевом в селе Разумница, Ставищенского района. Литературой увлеклась с юных лет. Публиковалась в районной газете «Прапор Ленина». До переезда в Таллинн работала культработником в Доме творчества писателей «Коктебель» в Крыму. В настоящее время является членом объединений русских литераторов Финляндии и Эстонии. Член Союза писателей Москвы. Печаталась в журналах «Молодая гвардия», «Москва», в альманахе «Литературные знакомства» (Москва), в журнале «Северная Аврора», альманахе «Русский Мир» (Санкт-Петербург), «Иные берега» (Хельсинки), в журналах «Радуга» и «Балтика» (Таллинн), «Венский литератор» (Австрия), «Брега Тавриды» (Крым). Издала книги стихов и прозы: «От весны до весны», «Колыбелька из ивовых прутьев», «Срибни росы» (на украинском языке), «Живёт девочка Надюшка».

Мотькина гастроль

Казимир Иванович, выйдя на пенсию, мог дать себе поблажку и поваляться утром в постели. Но увы—приходилось подыматься точно к часам, выходить во двор и всячески ублажать и развлекать своего козла Мотьку. И всё это делалось затем, чтобы в это время сосед Пётр Николаевич мог безбоязненно пройти мимо их двора на работу.

Почему Пётр Николаевич с Мотькой стали врагами, непонятно. Один только раз, года два назад, Пётр с Казимиром повздорили из-за какого-то пустяка. Козёл Мотька почему-то очень агрессивно реагировал на матерщину. А Пётр Николаевич в цензурной брани был виртуозом. Когда через забор слышались матерные слова, Мотька набычи-вал рога и басисто блял «бэ-э».

Казимир Иванович подозревал, что на Мотькином языке это был «мат». Потому, что обычно козёл издавал голосом более мягкое «мэ-э». Сам Казимир был полной противоположностью соседу. Он органически не переносил нецензурных слов. Возможно, потому, что когда-то решил для себя (по всей видимости, из-за своего имени), что он потомок польских шляхтичей, и старался вести себя соответственно. Правда, его жена, Евдокия Сидоровна (в миру—Дуня), особенно когда была не в духе, напоминала Казимиру о залитом чернилами метрическом свидетельстве, где, при желании, можно было прочесть имя «Корней». Казимир Иванович обиженно замолкал, особенно когда был выпивши, и с супругой не спорил.

Выпить Казимир любил, но пьяницей себя не считал, потому как знал свою меру. Мера его не была величиной постоянной, поскольку зависела от обстоятельств. Иногда эти самые обстоятельства заставляли Казимира Ивановича меру зависить, И тогда уж брала слово его супруга, обзывая мужа пьяницей, который якобы погубил её жизнь. И если бы не он, жила бы Евдокия Сидоровна припеваючи замужем за каким-нибудь военным и не в этом задрипанном посёлке! А того глупая баба не понимает, что тогда не было бы их сына Андрея, а самое главное—их любимого внука Саньки... Пять лет уже не виделись с ним. Андрей с женой и Санечкой живёт далеко на севере. Погоди, сколько же лет сейчас Саньке? Последний раз, когда его оставили на всё лето деду с бабкой (радостью такая была!), внуку было семь лет, значит, сейчас ему двенадцать.

Козёл Мотька был напоминанием о той счастливой поре. Правда, пять лет назад было кощунством назвать его козлом. Казимир Иванович принёс тогда на руках и пустил на травку во дворе нежнейшее пушистое создание с трогательными, еле пробившимися рожками, именуемое козлёночком из сказки. Восторгу Саньки не было предела! Козлёнка назвали Мотей. Внук уехал, а Мотька так и живёт у них до сих пор.

Назвать его сейчас нежным созданием затруднительно, хотя бы потому, что голову его венчают мощные, грозного вида, рога. К этому времени Мотька стал, как любой уважающий себя козёл, строгих правил—не допускал фамильярности и, как сказано выше, приходил в ярость от нецензурной брани. Поблажки козёл допускал только по отношению к своим хозяевам Казимиру и Дуне. Всех остальных соседей Мотька строил по стойке «смирно», особенно по утрам, когда те шли на работу. Правда, к большинству соседей козёл относился снисходительно, всякий раз поджидая своего главного врага—Петра Николаевича. И если к тому времени не успели выйти во двор Евдокия или Казимир, Мотька непостижимым образом умудрялся открыть рогами все заборы на калитке и выходил на «тропу войны». В разговорах между супругами, особенно после очередной жалобы соседа, затрагивался вопрос дальнейшего устройства Мотьки... Но сразу же перед глазами возникала трогательная картина приезда их детей, и умилённый взор их останавливался на Мотьке.

Опять же, когда Казимир бывал в подпитии, и Дуня в гневе отправляла его на

улицу «освежиться», Казимир Иванович заходил в сарай, где обитал Мотька, садился на кучу сена, и начиналась беседа. Посторонний человек подумал бы, что козёл дремлет. Ничего подобного! Он внимательно слушал хозяина. Иначе зачем бы он издавал звуки типа «мэ-э» в особо патетических местах?

А Казимир Иванович продолжал: —Вот ты, Митрофан, животная душа. Умом я это понимаю. Но хитрости и смекалки в тебе, пожалуй, больше, чем, допустим, у того же Петра Николаевича!

Услышав ненавистное имя, козёл громко заблеял «бэ-э», на что Казимир укоризненно заметил:

—Вот видишь, ругаешься... Ты от меня когда-нибудь слышал бранные слова? То-то же!

Козёл, фыркнув пару раз, успокоился. Потом, полуприкрыв глаза, задремал. Но хозяин желал общения и продолжал:

—Вот зачем ты, Митрофан, вчера разгрёб сено около сарая и выбросил наружу мою припрятанную бутылку? А нашла её Евдокия Сидоровна... Да и соседи продолжают жаловаться на тебя. Хотя я забор уже по всей длине укрепил, ты всё равно как-то выскакиваешь на прохожую часть... Нехорошо, Митрофан!

Козёл начал всхрапывать во сне, и Казимир Иванович ушёл в дом.

* * *

Утром Дуня собралась в соседний посёлок съездить в гости к сестре. Долго готовить не собиралась, завтра же приедет обратно. Казимир Иванович помог супруге собрать сумки и, закрыв Мотьку в сарае и закрутив толстой проволокой калитку у ворот, пошёл проводить Дуню до автобуса. Отправив жену, Казимир не спеша возвращался домой. Дорога шла мимо дома культуры, и он, от нечего делать, остановился почитать афишу. Оказывается, приехал цирк и сегодня вечером представление.

Вот уже несколько лет подряд в начале лета в посёлок приезжал цирк. Для местной публики артисты были привычны, как и цирковая программа, которая все эти годы не обновлялась. Зрители изнусть знали все цирковые номера. Всякий раз на доске объявлений рядом с цирковой афишей висело объявление с текстом: «Принимаем и покупаем перспективных животных—будущих артистов цирка». Так в цирковой труппе появилась коза Фрося. И вот уже два года как Фрося пользуется бешеным успехом у зрителей. Говорят, что коза Фрося родом из соседнего посёлка и директор цирка Почуйкин отвалил за неё целых сто рублей! Ещё ходили слухи, что приносили в цирк кур, петухов, кроликов. Якобы хозяева этих животных считали их выдающимися и даже не брали за них денег, лишь бы увидеть своих любимцев на сцене. Но, кроме козы Фроси, другой живности на сцене почему-то не появлялось. Обеспокоенным хозяевам Почуйкин отвечал, что их питомцы оказались слишком перспективными и их передали областному цирку на обучение. Казимир Иванович посмотрел афишу и стал читать уже привычное объявление о приёме или покупке (на усмотрение директора) перспективных животных. Прочитав, снисходительно хмыкнул и подумал: «Интересно, Мотька наш—перспективный? А если да, то сколько за него дадут в цирке?» На какое-то время Казимиру стало совестно за такую меркантильность, и он постарался направить мысли в другое русло.

В это время к нему подошёл мужчина и спросил:

—Интересуетесь объявлением? Может, что-нибудь предложите для цирковой сцены?

Казимир Иванович обернулся и, смущённо ответив: «Нет, нет! Извините»,—поспешил уйти. Но убогая мышишка всё-таки спряталась где-то глубоко и время от времени шевелилась у него в голове. Он старался её отогнать: сейчас придёт домой, приготовит Мотьку поило с отрубями, а потом будет от-

дыхать. Есть у него чем расслабиться. За домом сложены пустые ящики, вот в одном из них Казимир и припрятал бутылочку! Дуня только завтра приедет, мешать никто не будет.

В приподнятом настроении Казимир, раскрутив толстую проволоку на калитке, открыл её и вошёл во двор. Первое, что бросилось в его глаза—разбросанные ящики на углу дома. Один ящик зацепился за рога Мотьки, и тот никак не мог от него освободиться. Козёл молотил ящиком по забору, издавал матерные звуки «бэ-э», а его недруг Пётр Николаевич из-за ограды злорадно подзуживал козла непечатными словами. Мотька, привыкший в общении со своим хозяином к высокому штилю, принимал матерщину Петра Николаевича за прямое оскорбление и явно намерился пробить ящиком забор.

В одну минуту Казимир Иванович оценил ситуацию и, как всегда, хотел было занять позицию арбитра, но вдруг под его ботинком что-то со звоном хрустнуло. Он наклонился, в нос ударил знакомый аромат, а его глазам предстали осколки припрятанной им бутылки. И вот здесь Казимир Иванович решился! Он не стал слушать пламенных речей Петра Николаевича. Приложив усилия, освободил Мотькины рога от ящика и позвал его в сарай. Привычно приготовил поило, попоил его, а потом, достав припрятанную щётку, стал начёсывать бока Мотьки.

Делал это Казимир Иванович в редких случаях во время доверительных бесед, что нравилось Мотьке чрезвычайно. Вот и сейчас козёл умильно жмурил глаза, от избытка чувств произносил звуки «мэ-э» и был доволен жизнью. Чтобы не расчувствоваться самому, Казимир быстро закончил приготовления, взял праздничный ошейник с верёвкой, на котором иногда выгуливал Мотьку, и повёл козла к дому культуры.

Сделка проходила туго. Сначала Почуйкин не соглашался брать Мотьку. Как он выразился, цирку выгоднее животные с малыми габаритами. Но потом, вспомнив, что билетов продано всего на треть зала, решился. Но требуемые сто рублей платить категорически отказался, ограничившись двадцатью. Дабы не поддаться сомнениям насчёт необходимости сделки, Казимир Иванович решительно взял свои двадцать рублей и ушёл. По дороге он купил две бутылки, на что ушли все деньги. Одной бутылкой он решил отметить событие, а другую—припрятать «на потом».

Казимир зашёл во двор, хотел по привычке укрепить заборы на калитке, потом, вспомнив, махнул рукой и оставил калитку как есть.

Не помнит Казимир Иванович, сколько времени отмечал это событие. Только осознаёт, что меру он превысил, если не сказать—зашкалил, потому что обстоятельство того требовало, они даже кричали!.. В какое-то время он отключился и уснул. Ближе к утру приснился Казимиру сон. Будто на травке перед домом пасётся маленький пушистый козлёночек. На его головке торчат ещё не затвердевшие отросточки, будущие рожки.

Вот он подымает голову и внимательно глядит в лицо Казимиру Ивановичу почему-то Мотькиными глазами. И вдруг откуда ни возьмись появляется в руках Казимира соседское ружьё, которым тот всегда хвастался.

—Зачем мне ружьё? Я и стрелять-то не умею!—в панике думает Казимир Иванович, но его руки в это время живут как бы своей жизнью. Вот он прицеливается, а его палец нажимает на курок, и ровно посередине, между маленькими отростками на голове козлёночка, появляется круглое отверстие. Мотькины глаза, всё ещё устремлённые в лицо Казимиру, застывают в вечном изумлении...

В холодном поту Казимир проснулся. Действительность была не слаще сновидений. Он чётко вспомнил—вчера он отвёл своими руками Мотьку в цирк и продал за две бутылки! Утреннее солнце вовсе светило сквозь занавеску. Казимир вышел во двор, зачерпнул кружкой холодной воды. К рту поднести не успел, так как на него уставились Мотькины глаза. «Перебрал! Надо завязывать! Права моя Дунька!»—подумал Казимир Иванович, зная, что Мотьки во дворе быть не может. Зная, Казимир, продал его вчера за две бутылки. Потерев глаза, Казимир хотел было шагнуть вперёд, и вдруг его руки ощутили что-то влажное, волосатое. А потом послышалось мягкое козлиное бляение: «мэ-э». Казимир ошалел... Он гладил Мотьке бока, ощупывал голову, рога, как бы проверяя, всё ли на месте. Поймал себя на том, что назвал Мотьку «Солнышком»...

На Мотькином ошейнике с одной стороны болтался обрывок верёвки, а с другой был привязан помпыйный бумажный то ли пион, то ли роза ярко-красного цвета. Казимир аккуратно снял цветок и повёл Мотьку

в сарай покормить. Затем, закрыв козла в сарае, достал припрятанную бутылку (всё, что осталось от продажи Мотьки), сложил в пакет бутылку и бумажный цветок. Потом, подумав, положил туда Мотькин праздничный ошейник и быстро направился в центр посёлка, к дому культуры.

По дороге Казимир Иванович взволнованно, неизвестно к кому взывал: «Лишь бы директор согласился взять бутылку вместо денег! А за вторую повинюсь—выпил! Пусть возьмёт вместо неё ошейник, он совсем новый».

Казимир Иванович издала увидел, как артисты загружают в автобус реквизит. Вот директор несёт большой картонный ящик, обхватив его обеими руками. Он увидел Казимира, остановился и с облегчением опустил ящик на землю. Вытирая платком потную лысину, сказал:

—Удрал твой козёл, дед. Искать его нам некогда, уезжаем.

Директор хотел ещё что-то сказать, но Казимир Иванович сунул ему в руки пакет и просительно промолвил:

—Вот, возьмите! Здесь одной бутылки не хватает, но вместо неё—ошейник, он новый. А цветок немножко помялся, но его можно поправить...

Директор Почуйкин держал в руке пакет и растерянно смотрел на Казимира:

—Ничего не понимаю! Что ты мне даёшь, дед, и зачем?

—Ну, как же,—отвечал Казимир,—вчера вы дали мне двадцать рублей за моего Мотьку. Но Мотя пришёл домой, и я его больше не продаю. А это я возвращаю вам за Мотю. На двадцать рублей я купил две бутылки. Но, извините, одну выпил...

Директор Почуйкин, наконец поняв в чём дело, с облегчением воскликнул:

—Так козёл вернулся домой? Сам? Во, молодец!

Потом Почуйкин заглянул в пакет, расхохотался и, протягивая его обратно Казимиру, промолвил:

—Возьми, дед! Это тебе. Твой козёл нам вчера такую выручку дал—с трёх посёлков не собрать. Вся публика шла на Мотькину гастроль. Правда, немного накуролесил... Вон, наш конференсье хромает до сих пор! Но козёл, дед, у тебя перспективный. Приедем на следующий сезон—я тебе за него все сто рублей отвалю!

Казимир Иванович испуганно отшатнулся и, машинально взяв пакет из рук директора, воскликнул:

—Нет, Мотьку никогда больше не продам!—потом развернулся и пошёл домой.

Он опять шёл мимо висящей цирковой афиши, которую ещё не успели убрать. Содержание афиши было несколько иным, чем вчера. Бросались в глаза выделенные крупным шрифтом слова: «Коронный номер представления—танцевальная пара животных в составе восхитительной козы Фроси и её несравненного партнёра—Мотьки».

Пока Казимир Иванович изумлённо вчитывался в афишу, подошёл парень с ведёрком клея и кистью, наклеивать свежие объявления. Он содрал цирковую афишу и хотел было сунуть её в мусорный мешок, но Казимир вдруг поспешно попросил:

—Пожалуйста, дайте это мне, вам ведь всё равно выбрасывать.

Парень, равнодушно хмыкнув, протянул афишу Казимиру. Тот аккуратно скатал её в рулончик и бережно положил в пакет рядом с красным бумажным пионом и бутылкой.

Казимир Иванович пришёл домой. Там уже всюю хлопотала супруга, она успела приехать от сестры. Козёл Мотька почему-то стоял в глубине двора, далеко от калитки, и спокойно жевал жвачку, никак не прореагировав на хозяина. Дуня, бросив взгляд на пакет, сразу определила его содержимое и начала было распекать Казимира, но тот тихим голосом произнёс:

—Не ругайся, мать! Я не покупал эту бутылку. У нашего Моти вчера гастроль была на сцене дома культуры. И это директор цирка дал нам в благодарность.

Евдокия Сидоровна с удивлением взяла из пакета бумажный цветок, машинально примерив его к своей груди, потом, хмыкнув, положила обратно. Казимир Иванович расстелил на столе перед супругой афишу, чем сразил её окончательно. Через какое-то время, придя в себя, Дуня воскликнула:

—Я же тебе главного не сказала! Вот, читай телеграмму! Андрюшенька с семьёй приезжает. Потом сами уедут, а Саню нам на всё лето оставят!

Казимир Иванович от избытка чувств ничего связанного выразить не мог, только хмыкал. В конце концов пошёл во двор. Дуня крикнула ему вдогонку:

—Казик! Возьми сухариков для Моти! Он их любит.

Лариса Шарова

Родилась и живёт в Таллинне (Эстония). Образование высшее, профессиональный практикующий психолог. Занятия хореографией, вокалом, участие в литературно-поэтических театральных постановках, рисование иллюстраций к поэтическим сборникам друзей-поэтов, и, наконец, выражение своего взгляда на Мир в прозаических миниатюрах и поэзии. Публикации в коллективных сборниках: “Библиотека современной Поэзии» (2008, 2012); “О творчестве скажу” (СПб. 2011); “И звезда с звездой говорит” (СПб. 2012); в газете «Приневский край» (Гатчина, 2012). Редакционной комиссией сайта www.stihi.ru номинирована на национальную литературную премию «Поэт года 2012» и «Писатель года 2012» с публикацией произведений в одноименных альманахах и вошла в 100 лучших поэтов. Верю – Мир держится на добре, милосердии, трудолюбии, творчестве.

Молчание слов

Слова, сбившись в стайку, молча жались друг к другу, притаившись в самом дальнем уголке души. Молчание пеленало их все туже. Казалось, слова разучились говорить.

Были среди них повивавшие жизнь, умудренные опытом, ценившие на вес золота. Им легче давалось молчание.

Множество других: необдуманных, случайно оброненных поглядывали по стопонам виновато-суетливо, не находя себе места.

Были здесь и слова, не услышанные теми, кому предназначались, полные мольбы и готовности кинуться навстречу каждому, кто выслушал бы их.

Слова отчаяния уже ничего не ждали, просто молчали вместе со всеми.

Наклавшие сами на себя беду, молчали слова-проклятия. Они на собственном опыте познали возвращение проклятия к своему источнику. Потерянные, погруженные в себя, они напоминали темных нахохлившихся птиц.

Содрогаясь от переполнявшей их ненависти, молча маялись слова ненависти.

Слова лжи постоянно меняли свой облик, не узнавая друг друга и себя.

В нетерпении оглядывались вокруг слова восторга. Им хотелось, чтобы вдруг, ниоткуда появился повод и позвал, выпустил их на волю!

Были здесь и первые детские слова. Неполные, милые, родные они молчали наивно-доверчиво. Вблизи от них приглушенным светом сияли слова любви. Молчание само по себе не тяготило их. Они старались обогреть собой всех и все, здесь происходящее. Здесь, в самом дальнем уголке души...

Вдруг пространство словно расширилось, раскрылось, все пришло в движение. Слова рванулись вверх, ввысь – на распахнутых крыльях! Они звучали: говорили, шептали, смеялись, молились, плакали, пели на все голоса, всеми чувствами! Слова дождались его, это был он – крик души, зовущий за собой, дарующий свободу, а вместе с ней – жизнь.

Мама...

Мама... Я не знала, что такое любовь к тебе. Вижу твои беспомощно лежащие на коленях старенькие ручки – когда-то такие же маленькие, но жесткие и неожиданно сильные. Остались в прошлом твой громкий командный голос, задиристый тон речи, неутомимо-неукротимый нрав. Сегодня передо мной – уставшие жить и видеть, серые глаза, растерянно-удивленные, блуждающие в пространстве, светящиеся одной единственной, пронзительной, но неумолимо ускользающей мыслью.

Мама... Я не знала, что такое скучать по тебе. Ты много работала. А я любила оставаться дома одна. Рано утром, как только за тобой закрывалась входная дверь, я забиралась в серые валенки или большие папины тапки, укутывалась до пят в огромный домашний махровый папин халат, забиралась на стул у окна и тонула в очередной книге. Мне было хорошо дома одной – не надо бояться несправедливых окриков, можно быть самой собой. К твоему возвращению с работы мое детское сердечко начинало тоскливо поднывать. А теперь – вот уже четвертый год я вижу тебя один раз в месяц, иногда реже. Каждый раз, подбегая к дверям пансионата, в котором ты живешь, сердце мое отзывается знакомой неизбывной детской тоской пополам с чувством вины.

Мама... Ты запрещала мне плакать, я испуганно глотала соленые слезы. Сегодня я вижу тебя, стоящей посреди странно красивого длинного коридора, не узнающей уже никого, кроме меня. Ты плачешь, словно маленькая девочка, цепляясь старенькими пальчиками за мою блузку, пряча лицо у меня на груди, дрожа немощным почти крохотным тельцем, и, всхлипывая, жалуешься на то, что тебя не отпускают к твоей маме, и что твой, умерший двадцать три года назад, муж (а мой папа) давно к тебе не приходит.

Мама... Я не знала жизни без постоянного страха перед тобой. Вдали от тебя было легче, чем рядом с тобой.

Мама... Когда-то случилось так, что мне не захотелось жить. Я безжалостно сказала тебе об этом. Ты вдруг заплакала: «Доченька, живи!».

Мама... Я пишу эти строки и знаю, что ты уже никогда не прочтешь их.

Мама... Прости меня, мама... Я люблю тебя, мама...

Мама... Я боюсь того дня, когда мне некому будет сказать это слово – Мама!..

ДИТЯТКО УТЕШНОЕ

**Дитятко утешное, светлая головушка,
то глядишь голубкою, то грустишь, как скворушка,
иль насупишь бровоньки хмуро, по-вечернему,
то навстречу вскинешься просто, по-дочернему.**

**Я ль тебя не холила, берегла, лелеяла?
И молитвы добрые о тебе затеяла:
«Отступи, кручинушка, прочь уйди, хворобушка!
Расцветай, дивчинушка! Появись, зазнобушка!».**

**«Дева-Богородица, заступись за доченьку!
Ниспошли прощение в непроглядну ноченьку!..
И благослови ее, одари терпением,
жизни холст расписывать божьим разумением.**

**Огради от темного, тяжкого, лукавого,
довеи до мудрого, просвети до правого.
Пусть живет, кровинушка, дитятко утешное,
сердцем – милосердное и душой – безгрешное».**

«КАВОД ГАГОРИМ»

Только что мы с подругой вернулись с необыкновенного концерта... Благодаря силе Интернета все больше читателей общаются к миру искусства. Но поэт и женщина Инна Костяковская в «Раскрутках» не нуждается. Ее талант настолько мощный, самобытен, а искренность настолько подкупает... Что равнодушно к ее поэзии относиться просто невозможно! Ее стихи о еврейской семье, закопанной заживо, о любви, напрямую неугасающей... О сыне-солдате. О теракте в Тулузе: «Еврейская кровь в самом центре Европы». Да что я вам буду прозой пересказывать! Приходите на концерты, читайте ее книги... Для этого надо родиться поэтом. Инна поэтом родилась... Все было даже лучше, чем я предвидела. Напрасен скепсис некоторых... Стихи Инны – не «Женские». Нет вообще в хорошей поэзии такой градации! Просто есть стихи – прекрасные. Правильные, профессионально-выстроенные... - Но «не цепляет» душу! А есть поэзия... Рваная, обожженная, кровоточащая. Которую начинаешь чувствовать с первого вздоха – обожженным ртом и выпланными глазами своими. Обнаженными нервами. Которые пронзает вдруг молния боли: «МОЕ!» Настоящие стихи рождаются не в мозгу, а в сердце, в горячечно-гулкой крови. В судорогах объятий, в вынашиваемом плоде, в схватках боли, предвосхищающих рождение... Только это – поэзия! Когда ты слышишь свои мысли о своих детях, о своей семье. Когда ты вдруг встречаешь в чьей-то душе – отражение твоих, выстраданных тобой наедине, страстей и мук. Любви и рождения... Только это – ТВОЕ!

А еще была лучащаяся теплом голова, глаз и рук, необыкновенно добрая Хан-нуса Вагман! Моя знакомая, приехавшая с Кавказа – они не понимают ашкеназийский идиш – воспринимала песни интуитивно. Сердцем. И тихо утирала слезы... А потом спросила Ханнусю: «А когда Вы снова будете петь? Мне так хорошо с вами! Я хочу еще...» - «25 мая в 17.00 я и другие будем петь в «Лавоне» на идиш и на русском. Приходите!»- «Мы к Вам всей семьей придем!» Об аккомпаниаторе и артисте Александре Халфине надо сказать особо! Дай Б-г молодым иметь столько поклонниц! И по праву. Долгих лет Вам здоровой и радостной жизни, дорогой «Наш Саша», как зовут вас ревнивые поклонницы. Да они за вас глаза выцарапают! Потому что очень любят Вас, Александр!

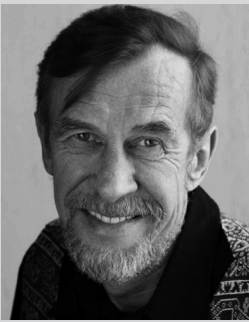
Еще один любимец нашего города. Совершеннейший самородок. Совершенно бархатный, обволакивающий голос, антрацитово-еврейские глаза... Любимец наш – долгие годы... Семен Обрыдько!!! Ах, как он пел – на идиш, по-русски, под гитару. А напоследок потряс всех чарующим романсом... - Bravo, Семен!

Слушайте, да нам сегодня везло на Александра и Александр! Еще одна наша любимая Звезда – Александра Капоровская! Актриса и женщина необыкновенно притягательной энергетики. Всегда другая – но всегда искренне любимая. «Я – Лицедейка!» - говорит она о себе сама. В каждом изгибе тела, в изломе бровей, в пластике добрых и умных, таких женски-щедрых рук – вся ее необыкновенно сильная душа. Она может быть красавицей, старухой, мужчиной, праматерью Агарью, тетей Со-ней... Даже евнухом-жрецом ей однажды

посчастливилось быть! По творческому капризу великого друга, покинувшего нас, Марка Азова... Сколько пьес, сколько разноплановых ролей сыграла Александра Капоровская! Но в каждую роль она привносит частичку себя, бесконечно новой, всегда неожиданной, талантливой... А как сегодня она читала стихи Инны Костяковской! Александре не нужно микрофона – она просто выпускает стихи себе в душу – и буквально поет каждую строфу. Это называется «Петь открытым горлом»... Но сегодня Шурочка Капоровская превзошла сама себя! Я ее пыталась сфотографировать – как бабочку, на лету. В жизни она еще намного красивей и ярче! Невозможно передать ее – жизнеутверждающую. Излучающую свет и тепло. У меня от ее энергетики чуть не «засветились» фотографии.

...Жара, хамсин. 4 часа дня – время дневного сна! Как волновалась устроительница концерта – Александра Адлер! Как она заботливо хлопотала. Чтоб у всех были стулья, вода. Угощение. Чтоб работали мазган и микрофон. Ведь все это, каждая мелочь, может при маленькой неудаче испортить людям настроение! А ведь контингент был, в основном, пожилой. И, надо признать честно – «Кавод» «Гагорим» и удовольствие от концерта получили сполна! Александра Адлер напрасно беспокоилась, что будет ползала. – Зал был полон! Боялись, что не найдут, в каком зале... - Нашли! Наши люди прекрасно ориентируются. Кто сказал, что старикам не нужны стихи о любви? – Нужны, да еще как! Ох, как у них сверкали глаза! Из-под старчески набрякших век – какие жаркие угли сверкали! И морщины – «колеи страстей и знаний», печалей и утрат – вдруг собирались лучами в такую задорную улыбку! Очень люблю наших стариков. ..Как много мудрости и силы набираешься рядом с ними! Такой необыкновенной силы духа нам, молодым, надо учиться. Как они красиво и гордо шли – с палочками... И с веерами. Дамы, давно не красившие губ и не надевавшие шляп и ожерелий. – Уже все тяжелой выйти из дома. Встать со скамейки. ... И все время тапочки да халат! Идти далеко – тяжело... И вдруг – концерт – да какой хороший – прямо в их доме! Работа, надо объективно заметить, была проделана четко и быстро. И приготовления были заранее отпечатаны и расклеены, и по телефону были многие заранее оповещены. И в Интернете, на соседском сайте. И вот результат – друзья приводили еще и еще друзей в последний момент. Стульев и места уже просто не хватало! Создалось у меня лично впечатление, что работает четкая и сильная команда. Так оперативно собрать стариков в дневное время – на вечер поэзии? К чести наших стариков! Должна вам сказать. Меня очень шокирует, когда наших людей обзывают «Халявщиками». На столиках было полно воды, булочек с разнообразных круассанов... Но! Пожилые люди пришли, конкретно – на концерт! И заботливо подготовленные булочки с водичкой, по моему, даже остались... Я, как всегда, стеснялась... Кто захотел – тот съел. Но, в основном, люди пришли пообщаться. И никто не толкал соседа в очереди «За халывой», как о нашей алии до сих пор пишут. Люди наши, слава Б-гу, достаточно умны, интеллигентны и хорошо воспитаны! Подкупала их открытость, их доброжелательность. Их благодарность – теплая, неподдельно-человеческая – всем выступавшим и устроителям концерта! А еще запомнилось одно: семейно-доброжелательное, дружески – уважительное отношение выступавших друг к другу. Чувствовалось: это не игра! Это люди действительно духовно близкие друг другу. Просто друзья. А в творческом мире – друзья – это редкая роскошь... Их искренность и теплота окутали зрительный зал. И – давно такого не помню – люди не хотели расходиться. Людям хотелось задержаться с друзьями подольше. Люди радовались общению, заново узнавая друг друга. Потом еще группками на улице долго стояли, хвалили, общались. Как будто поэзия и музыка растопили лед... Спасибо всем участникам концерта и устроителям за прекрасный, блестяще организованный, режиссерски-продуманный, выстроенный с теплом сердец концерт! Спасибо.

*С наилучшими
пожеланиями и уважением –
Фаина ДИБНЕР.*

Сергей Аболмазов

Щенок

Снег с дождем без остановки.
На безлюдной остановке -
Кем-то брошенный щенок.
Мокрый, жалкий и неловкий,
Он дрожал у самой бровки
И скулить почти не мог.
Вспоминал он день погожий,
Вспоминал родной порог,
Ни один пока прохожий
Так ему и не помог...
Ни о чем не беспокоясь,
У камина, под хмельком
Погибала чья-то совесть
Замерзающим щенком.

Последний трамвай

Иногда на крутых поворотах
В мостовую прочно впаянных рельс,
Будто горько оплакивая кого-то,
Пел трамвай заунывную песню.
В старых рамах дрожали стекла,
Искры сыпались невзначай,
А поодаль угрюмо мокли
Люди, ждущие этот трамвай.
Пели рельсы голодной волчицей,
Убегая в сырые дали,
В темноту уплывали лица,
Будто их там, и правда, ждали.
А потом становилось тихо,
Только отсвет натруженных рельс,
Да сутулилось чье-то Лихо,
Не успев на последний рейс...

Река времени

Теребя, будто четки,
вековечный наш страх,
Время в жилах набравших
нам кровь студию,
А потом, распятое на своих же крестах,
Безвозвратно от нас уходило.
Мы ж, прошедшие испытание временем,
Как слепые котята в крошечной мгле,
Оставались обузой и тяжким бременем
На истерзанной страхом родной земле.
И, вслепую по ней пролагая маршруты,
Дно царапнув пробитым днищем,
Мы роняли, как милостыню,
свои минуты
В искривленные руки слепых и нищих.
Наши миги слагались уже в века
Беспросветной, холодной жути...
Мимо нас не спеша протекала река,
Ничего не меняя по сути.

Детские сны

Осколки детских снов я нежно берегу.
Они веселой и задорной птичкой
Алеют снежирами на снегу,
Забытой где-то в детстве рукавичкой.
И, ошалев от прожитых мной лет,
Сентиментально вспоминая детство,
Я снам наивным нежный шлю привет,
И снегирам, что жили по соседству.
Минуло время милых детских игр,
И время поменяло свое русло.
Приснился старый плюшевый мой тигр,
И стало на душе легко и грустно...

Новогодняя фантазия

В потоках музыки и света
Из-под ресниц лукавый взор,
И блеск зеркального паркета,
Его затейливый узор...
И вальс на смену менуэта,
В моей руке ее рука,
И в вальсе кружится планета,
Несясь в пространстве сквозь века.
Восторг, кокетство и галантность,
Намек на ужин при свече,
И темной родинки пикантность
На белом, царственном плече.

К музе

Вот и настал период немоты.
О, как капризна ветреная муза!
Еще вчера я с нею был на «ты»
И верил в прочность нашего союза...
А нынче, как досадная обуза,
Пыляться в стопке чистые листы.

Эхо XIX века

Какой восторг, скажу вам братцы,
Когда шампанское - рекой,
И шелест юбок в вихре танца,
И стан девичий под рукой!
Я вспоминаю этот вечер:
Бокалов звон, восторг девиц,
И Ваши царственные плечи,
И томный взгляд из-под ресниц,
И спор валторны и кларнета,
Себя, как юного корнета,
Который нежен, но не груб,
И жеста легкую небрежность,
И восхитительную нежность
Полуоткрытых Ваших губ...

Покаяние

Прошу простить за то, что не сумел
Пройти по жизни, никого не рая,
За то, что был и молодым, и ранним,
То слишком робок, то излишне смел.
Прошу простить за прожитые годы,
За заблуждения, ошибки и мечты,
За то, что перед ликом Красоты
Ничтожен был в предчувствии свободы.
Друзья мои, прошу простить за все,
За то, кем был или хотел казаться...
Жизнь коротка, но нужно постараться,
Чтоб вымолить прощенье за нее.

Я надеюсь

Я печаль ожиданий развею,
Распахну для объятий руки,
И, надеюсь, еще успею
Пригубить этой сладкой муки!
Я надеюсь еще на счастье,
Я надеюсь, еще посмею,
Для Вселенной я стану частью,
Раздав ей все то, что имею!

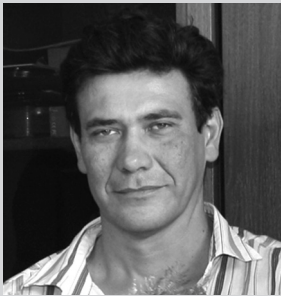

Дмитрий Мирошников

1984 года рождения. Постоянно проживаю в Краснодаре. Работа — сотрудник рекламного агентства. Участник литературного объединения «Интенция», бывший организатор городского конкурса поэтического мастерства «Свободный микрофон», публиковался в ряде номеров литературно-публицистического журнала «Альт» (Краснодар, 2004 — 2006 гг.).

* * *

В чём тайна истинного выбора свободы?
Возможность двигаться,
смеяться и дышать.
Возможность жить и нарушать законы,
Которые должны существовать
Из года в год,
От века в век.
Которые придумал человек,
Чтоб оправдать немилость небосклона,
Чтоб оправдать тот несуразный бред,
Чьему велению следовать мы склонны,
Чьё имя разум — воля поколений,
В кулак зажатый, ради главной цели —
Мир вечно новой жизнью наполнять.
И в кубики рассудка сложен хаос,
Непостижимому стремясь название дать.

Беляев Владимир

Поэт, прозаик. Родился в 1970-м году, живет в Туапсе, закончил литинститут, работает журналистом. Женат, дети. Печатался: в Туапсе, Краснодаре, Москве, Красноярске. Член СРП с 2001.

Про ангела

Подлужины космонавтов
Набили в консервную банку
И запустили в космос,
И там им встретился ангел.
Теперь он конторский служащий,
Зарубцевались ранки
На месте срезанных крыльев,
И он уже больше не ангел.

Утром он варит кофе,
Вечером смотрит телек,
Его беспокоит печень,
Ему не хватает денег,
И когда он идет за пивом
Или просит кредита в банке,
Я гляжу на него и думаю:
Какой же он к черту ангел.

А изредка (чаще ночью)
В душе прорастают поганки,
Ему становится тошно,
Что он уже больше не ангел.
Жена вызывает скорую
- Скорее! Он снова в припадке:
Обручем давит голову
И судороги в лопатках.

Демон

Он пришел, когда мы спали —
Демон скорби и печали,
Приняв облик человека
На один буквально час,
И, кружась в вихре бальном,
Он ворвался в нашу спальню
И прожег, как телогрейку,
Ночь окурком желтых глаз.

Он приподнял наши веки
И, трясаясь в беззвучном смехе,
Всыпал в наши сны зубовный
Скрежет и вороний гай.
На сто лет вперед будильник
Перевел и в холодильник
Наш залез, где мы хранили
Два яйца на Первомай.

Наклонившись над кроватью,
Окаянно печатая,
Как почтовые конверты,
Наши лбы проштамповал,
И, совсем покинув рамки,
Изодрал на нас пижамки
И, взглянув на это дело,
Очень часто задышал.

Раскидал гадюк по спальне,
И словечком inferнальным
Надорвал слегка континуум,
И сгинул в той дыре.
Мы проснулись и сказали:
«До чего ж мы долго спали!
Ну-ка, братцы, за работу,
Понедельник на дворе!»

Елизавета Двоглазова

Студентка 5-курса филологического факультета Кубанского госуниверситета. Проживает в Краснодаре.

А вечность — да что до вечности?
было б что...
Я так, петушком, петушком,
и кому какое —
добраться али доваться до силы той,
что вечно хочет лобзаний,
а клянчит покоя.
Одна из тех заполошных серебряных жён,
влюбляясь в поэта после стихов,
влюбляясь в стихи после поэта,
я медленно пячусь, мнусь,
становлюсь коржом,
виражом исторического рулета.

Вероника Ерёмченко

Родилась в 1993 году в городе Краснодаре. Интерес к литературе у меня появился в раннем детстве. В 10 лет я написала своё первое стихотворение. Сейчас же являюсь студенткой Кубанского Государственного Медицинского Университета своего родного города. Также увлекаюсь рисованием. Люблю путешествовать, читать. Любимый поэт — Сергей Есенин.

Венец бесчестия себе кладу на плечи,
И говорю, что больше не живу,
Что выживать не в силах — я не вечен,
Я будто по течению плыву.

Иссохли вены, разрубили жилы
И выпили мою живую кровь,
Прозвали телом, а попроше - тылом,
Чтобы прикрыть поганую любовь.

Плоть истерзали и изрешетили,
И вывесили на людской простор,
Любуйтесь, дети, вот такие были,
Со всех сторон уж слышался мне хор.

Убоги эти языки пророков,
Которые бубнят себе по нос,
Что нету человека в теле строгом,
И нету человека без оков.

Татьяна Бобровская

Хандра

Когда хандра накатит - жизни смысл
Теряется в однообразье буден.
Невольно вспоминаешь ты свой путь.
Он с юности был и тернист, и труден.

Но «всё проходит» - это изречение,
Что к нам пришло ещё от Соломона,
Даёт надежду обрести покой,
Не нанеся морального урона.

А если уж совсем немоготу,
На сердце боль, в душе пустая яма,
Налей в бокал хорошего вина,
Открой и почитай Омар Хайяма.

Из цикла «РАСКРАСКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ.
Зарисовки и рассказы-недоростки»

Ночь в Румынии

В августе 44-го на карпатском направлении шли бои. Еще в апреле советское правительство заявило, что не собирается захватывать румынские территории, и призвало румынские войска прекратить военные действия против СССР и повернуть оружие против гитлеровцев. Успех Яссо-Кишиневской операции лучше всяких слов убедил румын в неизбежности нашей победы. 23-го августа пала военная диктатура Антонеску, и новое правительство объявило о прекращении военных действий против Советской Армии. Но немцы и не думали сдаваться. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов и прибывшие им на подмогу части с других фронтов с боями продвигались вглубь Румынии, все еще занятой фашистами. Используя горно-лесистую местность, противник оказывал упорное сопротивление.

К вечеру подразделения наших войск, переброшенных с севера, подошли к ущелью, на другой стороне которого закрепился неприятель. Усталые люди расположились на отдых. Мгновенно, как это бывает в горах, пала ночь. Но близость врага не давала людям утомониться, и время от времени в воздухе свистели пули, летящие в обе стороны. Младший лейтенант прилег на землю. Над ним было звездное южное небо, с которого, как ни в чем не бывало, подмигивали звезды. И все это так напоминало полубившуюся всем за годы войны песню, что, сам не понимая, как это получилось, он запел.

*Темная ночь,
только пули свистят по стени,
Только ветер гудит в проводах,
тускло звезды мерцают...*

В начале 43-го после окончания курсов младших лейтенантов его отпустили на побывку к невесте, которая была эвакуирована на Урал. В армию он вернулся командиром роты и женатым человеком. Он был хорош собой, популярен, храбр. У него был сильный, красивый баритон — после поступления в университет он занимался в оперной студии, и невеста его тогда ревновала — и сейчас все замолкли, слушая этот голос.

*В темную ночь ты,
любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком ты
слезу утираешь.*

У него уже была дочь, жена приехала недавно фотографию младенца, лежащего на животе. Младший лейтенант помнил свою фотографию в таком возрасте в семейном альбоме — он был куда пухлее, чем дочка. Жена, конечно, получает за него аттестат, но хорошо бы послать ей что-нибудь, чтобы обменяла на продукты.

*Как я люблю глубину твоих
ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться
сейчас губами!*

Он очень тосковал по жене. Ее маленькая фотография лежала в нагрудном кармане вместе с партбилетом — на фронте он вступил в партию. Его молоденький ординарец, мечтавший после войны стать художником, сделал с фотографии увеличенный карандашный портрет, который младший лейтенант носил в планшете.

*Верю в тебя, в дорожную подругу мою,
Эта вера от пули меня
темной ночью хранила...*

Он вдруг заметил, что вокруг стоит пронзительная тишина, выстрелы прекратились, и только песня разносится по ущелью — как будто и войны не было. Это было как массовый гипноз, наваждение, навешное ночью, звездами, песней и мечтой о далеких близких. Но за ущельем — рукой подать — был враг, а рядом, скрытые темнотой, — свои, его боевые товарищи.

*Смерть не страшна,
с ней не раз мы встречались в степи.
Вот и сейчас надо мною
она кружится.*

*Ты меня ждешь
и у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю:
со мной ничего не случится!*

Когда он дошел, на стороне немцев раздались редкие аплодисменты. Потом стали хлопать все больше, все сильнее, доносились фразы по-немецки, можно было разобрать выкрики «браво!». Зааплодировали и наши. И до утра уже никто в ту ночь не стрелял.

Перед рассветом, после артподготовки, они снова пошли в бой. «К концу сентября советские войска завершили прорыв стратегического фронта противника на протяжении 500 км и продвинулись на глубину 750 км. 12 сентября в Москве Советское правительство от имени союзников — СССР, Англии и США — подписало соглашение о перемирии с Румынией. В боях за освобождение Румынии от фашистского ига советские войска потеряли убитыми 69 тыс. человек».

А с младшим лейтенантом и правда ничего не случилось. Он закончил войну в Берлине лейтенантом и в 46-м вернулся домой к жене и дочке. Иногда, сидя у детской кроватки, он вместо колыбельной пел ей «Темную ночь» и, глядя на сонную щеку и светлые кудряшки, думал о том, как ему повезло.

Чудесный карандашный портрет жены лейтенант хранил всю жизнь как память о своем ординарце, которому так и не довелось стать художником, — он погиб в 45-ом, освобождая Польшу.

Татьяна ЯНКОВСКАЯ

Сергей Гора

Вперёд на Лонг-Айленд

Не сбивай напрасно ноги,
Если хочешь погулять.
Запрягай-ка по дороге
Ай -Четыре- Девять-Пять.*
Притопи педаль до пола
(...Если пробок нет в пути),
И вперёд, как Марко Поло,
Выдавая авто-соло,
Вдоль Атлантики лети.

В такт библейской поговорке
Следуй строго на восток.
Там приметней, чем в Нью-Йорке,
Первый мартовский росток.

Там в глуши на почве глиняной,
Отвердевшей за века,
Распростёрся Остров Длинный,
Где холмистый, где равнинный, -
Острый нос материка.

Смогом он не угнетает.
Ни заводов там, ни шахт.
Хоть три века обитаем,
Всюду девственный ландшафт.
Сосны, ели и лужайки,
Пены океанской йод.
У домов не лают лайки.
Смокинги и «горностайки»
За решётками ворот.

Поселиться в нём не просто:
Тут богатство и престиж.
Цены сказочного роста,
Выше небоскрёбных крыш.
Есть ли где земля по-круче,
Представляется с трудом.
Здесь Америке Веспуччи
При инфляции ползучей
Не хватило бы на дом...

Впрочем, я ведь о природе.
А она для всех одна.
Неподвластна брэнной моде
Океанская волна.
Март не тянет из кармана
На ковры тюльпанных клумб.
В общем, жми вдоль океана
Вглубь прибрежного тумана,
Как неистовый Колумб.

* I-495

Трайбека*

По Нью-Йорку бродя,
я снимаю «в анфас»
Всё, что в профиль снимать
не пристало.

...Говорят: популярен, моден сейчас
«Треугольник южнее Канала».**

В его улочках узких с давнишних времён
Есть уют и монахам, и геям.
И хотя не Бермудский, но тайнами он,
Как и весь этот город, оваян.

Местным крышам издёвкой
с антенной колосс
Всюду видится призраком вещим,
Он напрасно над ними так гордо возрос,
Против лома прием не завещан.

Здесь повсюду сады и повсюду метро,
И рекламы бегущая лента.
Ароматы кафе и изяшных бистро
Превращают туриста в клиента...

Лад завышенных ценников - выбора нет,-
Выжимают беднягу, как губку.
А в награду -- чутунных узоров балет,
Как бесплатный презент за покупку.

Букинистов столы меж цветочных скамей:
Натюрморт на ожившем асфальте.
Хоть пока ещё здесь всё гораздо скромней,
Чем в изысканном «Аппа Вест Сайде»***

Но и тут титулованных клубов огни
Поспевают за блюзовой нотой.
...Безмятежно текут треугольные дни
Между отдыхом сном и работой.

* Tribeca — район Манхэттана, примыкающий
к бывшему Мировому Торговому Центру
** Canal Street.
*** Наиболее престижный район Манхэттана

TimeS Square — Площадь Времени или... Времён

Я не ошибся окончаньем слова.
Не будь, мой критик, слишком удивлён.
Значенье «эС» в английском - мне не ново,
Но «Таймс» ...одна, как зеркало времён.

Её разлив на сон соседних блоков
Сулит привычным правилам подвох:
Здесь, как души слияние пороков,
В единстве света - множество эпох.

Скажите мне, в какой
«лингвистской» власти
Свести к векам амбиции людей?
Египет..., Рим..., Нью-Йорк... —
всё те же страсти...,
Всё те же мысли в свете площадей...

И потому в грамматике — беспечность:
Вслед-в унисон восторженным стихам
Все времена зову я словом: «вечность»,
И имя «Таймс» - как гимн людским грехам.

Огнём летящих образов приветит.
Прольёт себя на мрак вселенских тайн.
Который час на светной планете? -
Подскажет вам ночная площадь «Таймс».

И не пытайтесь сами разобраться
В сакральном коде пляшущих огней.
...Сюда легко Вы сможете добраться
На блюзе трэйна под названием «Эй»*

Здесь скажут Вам неоновые блёстки
О том, что будет, и про то, что ждёт.
Не потому ль на этом перекрёстке
Встречают в мире главный Новый Год?

* "A"-train

Кораблик и зяблик

...из окна моего офиса на 78-м
этаже Мирового Торгового Центра

На зябкой ветке зяблик
Не зябнет - закалён.
...Прогулочный кораблик
Плывёт через Гудзон.
Он воду, словно птичка,
Размеренно клюёт.
Кораблик-невеличка
Плывёт себе, плывёт.

Сомненье вдруг подкатит:
К чему, мол, рифмы звон?
Кораблик - просто катер,
И Хадсон - не «Гудзон».
Но в том-то вся и штука,
Что в мире, где расчёт,
Душа, а не наука,
Корабликом плывёт...

Из небоскрёбных окон
Он ботик-коротыш, -
В порыве одиноком
Среди бесстрастных крыш.
Хочу, чтоб этот ялик
Не знал границ и зон.
Пусть добрый мой кораблик
Плывёт через Гудзон.

...Салют причальной вспышки
Отметила река,
И на его кормишке
Зажглись два огонька.
Маршрут не терпит версий:
Кораблик, между дел,
Добрался до Нью Джерси
...А зяблик улетел.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Тот факт, что Писториус, инвалид-олимпиец, пристрелил свою подругу, вовсе не подразумевает, что все южно-африканцы быстро передвигаются на протезах и время от времени подстреливают близких.

Этот весьма пошловатый эпиграф – грешно ведь смеяться над чужим горем, а тем более над физическими недостатками – как нельзя лучше намекает на первоочередное внимание СМИ к скандальным сенсациям с участием знаменитостей в ущерб взвешенной информации о цивилизационных чертах того или иного народа, что ни в коей мере не возбуждает интерес местных читателей и слушателей к соответствующей иностранной культуре. Попробуйте, например, представить себе одержимого джихадиста, который вдруг начинает изучать американские традиции, прочитав статью о мировой популярности Тома Круза или Шерон Стоун... Аналогично, прославление какой-либо отдельно взятой российской личности – будь-то Овечкин с ключами от Вашингтона, Курникова на календарях или Путин со стерхами – отнюдь не способствует увлеченности американцев Россией. Вполне понятно поэтому, что тут речь должна идти о чем-то другом. Об этом «другом» я намекну чуть позже, по ходу дальнейшего повествования, как говорится.

А начать бы мне хотелось с одной, воистину, сногшибательной, констатации (последнее слово, кстати, нерусское и довольно неблагозвучное, но, увы, другое здесь навряд ли подойдет): Я пишу эту статью, аж, в Вашингтоне с тем, что она будет опубликована в самой, что ни на есть, Костомукше. Не фантастика ли? К этому стоит добавить еще и то, что соответствующая электронная почта (из Вашингтона в Костомукшу и обратно) займет лишь одну десятую секунды! ... Ровно такое же время, или чуть большее, занял бы у любого землянина выход на веб-страничку о культуре практически любого живущего на земле народа. Загуглишь какую-нибудь Нигерию поисковиком, и вот тебе Йоруба, базар в Ибадане, Вуду и все соответствующие маски (не к ночи будь помянуты). Поэтому, отговорка двадцатилетней давности, что, дескать, эта страна так далеко, что о ней трудно что-либо узнать, воспринимается не иначе, как со смехом. Тут циник подметит: а зачем нам узнавать о какой-то иностранной культуре – мы, ведь, теперь все – прагматики...? Лукавите, батенька, – ответим мы, перефразируя при-снопамятного вождя пролетариата: изучение иных культур столь же неотделимо от человеческого натуры, как и жажда есть, пить и вступать в близкие отношения. Не случайно, в самой прагматичной стране мира (США) абстрактно-отвлеченные, гуманитарные и научно-популярные телевизионные каналы History, National Geographic, Discovery, Sci-Fi и USA имеют несравнимо более высокий рейтинг, чем иные, сугубо прагматичные, бизнес-шоу. В чем же первопричина такой алогичной, на первый взгляд, неотделимости? Наверное в трех факторах, которые понятны абсолютно всем, живущим на нашей планете, независимо от специфики чьих-то идеологических убеждений и эмоциональных привязанностей:

Першинг (т.е., во-первых, как говорят на языке «Падонкафф») из школьной программы мы все твердо уяснили, что происходит из степей Причерноморья (читай: нынешняя Россия), откуда и распространились в современные Британии, Европы, Азии, Америки, Австралии, Индии итп.

Во-вторых (тут нет жаргонного эквивалента, извиняюсь) за какие-то 60-80 лет земного существования, любому землянину весьма охота узнать, а для чего он здесь, как родился-появился, каково будущее его души во вселенной, и т.п. (Слава богу, мода на дарвинизм и прочие варианты недоразвитого материализма уже прошла.)

И в-третьих, наш культурологический корень более всего разросся именно на территории так называемой России (т.е. пост-советского пространства), – вспомним, например, Тартарии с тысячелетиями дохристианской письменности, а также Российскую империю с ее высочайшим уровнем духовной культуры.

В итоге, если я благополучный американец и волей Бога отношусь к образованной части живущего ныне человечества, я рано или поздно задамся вопросом: а почему именно Россия(?), почему такая обшир-

ная территория (?), в чем здесь смысл? Естественно, культурология такой страны призвана стать для меня едва ли не самым главным моим интересом и предметом самой искренней озабоченности, независимо от того, где я живу, на каком языке говорю, во что верю и сколько зарабатываю. Тут, будучи лингвистом, я не могу воздержаться от прославления емкости и всеохватной значимости самого термина: «культурология». Напомню, что введенное в употребление известным антропологом Лесли Уайтом (кстати американцем, и при этом совсем не сотрудником ЦРУ, как полагают некоторые в России) это понятие объединяет данные философии, истории, психологии, антропологии, языкознания, этнографии, религии, социологии и искусствоведения. В итоге, акцентируя свое пространное вступительное философствование именно на термине «культурология», заключаю размышления следующим выводом:

В то время как гуманитарные (т.е., абстрактно-отвлеченные) медийные, школьные и университетские программы США всецело посвящены различным аспектам планетарной культурологии, информация о России, как об исторически и традиционно самой большой административно упорядоченной территории Земли, практически отсутствует.

Чтобы не выглядеть голословным, приведу пример такого, с позволения сказать, отношения к российской культурологии. (Отмечу при этом, что я бы мог привести десятки подобных примеров, ибо в разное время и с разными целями изучал «русские» программы университетов и различных учебных центров США, а также в течение последних 10 лет участвовал во многих научно-методических конференциях по данному вопросу.) Итак, вот на что я наткнулся, открыв на днях веб-страницу Университета Мэрилэнда (приводится в виде единой картинки, чтобы не было сомнения в целостности оригинала):

Breakdown of Students That Completed the Russian Studies Program

The table below lists the number of students that have completed the russian studies program at the [University of Maryland - College Park](#) for the 2010-2011 academic year.

Overall

	Total
All Students	3

By Gender

	Total
Male	2
Female	1

By Race

	Total
American Indian	-
Black	-
Asian	-
Hispanic	-
White	2
Unknown	-

Констатация столь же проста, сколь и удручающая: за прошлый учебный год курсы по русской культурологии посетили, аж, 3 (!) человека (включает себя и обучение языку, и истории, и культуре и т.д.). Посмотрите, насколько дотошно описывается половой, расовый и т.п. состав данной, с позволения

сказать, группы. Слово «удручающая» – пожалуй, самое мягкое из всех, которые я мог бы подобрать. Ведь University of Maryland, College Park, расположенный практически в Вашингтоне, является едва ли не самым уважаемым и престижным центром изучения языков, а значит, в определенной степени, и культурологии. По крайней мере, именно там я и многие мои коллеги получали профессиональную сертификацию тестера русского языка ACTFL (т.е. Американской ассоциации преподавания иностранных языков).

Подобная непопулярность русских программ (позвольте для краткости их в дальнейшем так и называть) соседствует с обыкновенным головоутиемством и невнимательностью (а, проще говоря, непрофессионализмом) организаторов. Например, вчера я вышел на сайт Джорджтаунского Университета (из Лиги плюща – одного из самых престижных в мире) и увидел там объявление о регистрации на лекцию под названием: «Российская внешняя политика: Новое и Старое» Вход, кстати, бесплатный. Вот, как это выглядело. Не обращайте внимания на количество записавшихся – мы об этом уже говорили...

Russian Foreign Policy: The New and the Old

SFS Center for Eurasian, Russian and East European Studies

Thursday, April 11, 2013 at 12:00 PM (EDT)

Registration Information

TYPE	END	QUANTITY
Attendee	Apr 11, 2013	Free

Я зарегистрировался следующим образом:

Фамилия: Дзержинский

Имя: Феликс (железный, однако – подумай я)

Электронная почта: Лубянка. Вашингтон@msn.com

Все по-английски, разумеется. Прошло как по-маслу, и на экране тут же появилось поздравление с успешной регистрацией, а также уведомление о том, что дополнительное подтверждение будет послано на данное мною мыло.

Позвольте воздержаться от каких-либо комментариев, ибо сказано в Писании: Не суди и не судим будешь.

Позволю себе и дальше помусолить эту ситуацию, поскольку в ней есть один очень важный момент, никоим образом не связанный с моей шуткой. Уже после того как я благополучно зарегистрировался, в квадратике количества зарегистрированных по-прежнему значилась ...единица. В связи с этим, давайте, мысленно перенесемся в общежития Джорджтауна, где студенты, – хоть и из очень богатых семей, все-таки студенты, которым вечно и по определению не хватает денег. Итак, некий Джон Смит просыпается после вчерашней (т.е. пятничной) пьянки-гулянки и думает, как бы сегодня (т.е. в субботу) спокойно и интеллектуально отдохнуть. При этом крайне желательно, чтоб отдых был наименее накладным – уж, больно много потратил вчера. Открывает компьютер и видит анонсы: бесплатные дневные лекции о (1) танцах Папуа Новой Гвинеи; (2) Традиции северного Таиланда; (3) Современная внешняя политика России; (4) История революций во Франции. Ура, дополнительные очки для желанного кредита (зачета), – думает Джон, притом, в двух шагах от общежития и бесплатно. Естественно, внешняя политика России звучит несравнимо более привлекательно, чем все остальные темы, и Джон Смит спешит именно на эту регистрационную страничку. Но... бах...только один человек записался. Значит я буду вторым (читай: одиночкой-идиотом, которому нечего делать). А давай-ка, посмотрим про танцы Папуа, – думает Джон. О, там 12 человек! Давай-ка лучше я зарегистрируюсь там... Вот пример того, как убивается тяга (а она, как правило, проявляется косвенно и оказывается не до конца осознанной) к российской культурологии.

Касательно всего сказанного невольно возникнет вопрос о месте и роли «Интеллигента», который уже благополучно зарегистрирован в библиотеке Конгресса. Дело в том, что рано или поздно какой-нибудь влиятельный читатель возьмет этот журнал в руки с одной не до конца, может быть, осознанной целью: найти в нем то, чего не-

достаёт современным русским программам в Америке. Найдет он подобное – будет этот журнал распространяндирован в университетах и государственных организациях, и пойдет он тогда гулять по дорогим магазинам и библиотекам, принося прибыль и славу его издателям; не найдет – тогда печалька, как говорят уже упомянутые «падонки». Поэтому я позволю себе по порядку перечислить соответствующие культурологические проблемы, делая выводы-пожелания «Интеллигенту».

Первое. Абсолютное большинство университетских программ по литературе (а) посвящены изучению тех языковых и культурологических явлений, которых давно уже просто нет; (б) все произведения рассматриваются изолированно от исторических и культурных вазимосвязей российской цивилизации, с опорой на сугубо личные (а не общественно-доминантные) представления самого лектора. Прежде, чем перейти к конкретным примерам, позвольте пожелать «Интеллигенту» печатать только то, что либо (1) соответствует актуальной реальности последних лет, либо (2) посвящено типологическим основам общества, обусло-

вившим преемственность традиций, привычек и поведенческих клише. Итак, чтобы несколько разбавить излишнюю мудреность сказанного, рассмотрим два конкретных примера: начнем со списка произведений, предлагаемых для курса номер 270-000 отделения русского и восточно-азиатских языков университета Эмори

Required Textbooks, Articles, and Resources

1. Lincoln, W. Bruce. *The Romanovs: Autocrats of All the Russians*. ISBN: 978082643081.
2. Pushkin, Alexander. *Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin, The Queen of Spades, The Captain's Daughter, Peter the Great's Balcemoor*. ISBN: 9780199538652.
3. Gogol, Nikolay. *Dead Souls*. ISBN: 978067977644.
4. Magarshack, David. *The Best Short Stories of Fyodor Dostoevsky*. ISBN: 9780357576887.
5. Turgenyev, Ivan. *First Love and Other Stories*. ISBN: 9781148789002.
6. Berlin, Isaah. *Russian Thinkers*. ISBN: 9780141442204.
7. Tolstoy, Leo. *Father Sergius*. ISBN: 9781604501636.
8. Zoschenko, Mikhail. *The Nervous People and Other Satires*. ISBN: 9780812968774.
9. Figes, Orlando. *The Whispermers: Private Life in Stalin's Russia*. ISBN: 9780312428037.
10. Akunin, Boris. *The Winter Queen*. ISBN: 9780812968774.

Тут даже, невооруженному инструментами перевода глазу видно, что российская культура ассоциируется здесь с Пушкиным, Тургеневым и прочими Романовыми, а также вполне современным Акуниным, который, правда пишет на темы ... XIX –го столетия. При этом заметьте речь идет не о литературоведах, историках литературы и будущих архивистах, а о начинающих студентах, которые с трудом припоминают пару известных русских имен, с трудом отличая блины от пирожков.

Тут следует сделать оговорку про то, что всех этих авторов я люблю и ценю. Кстати, было время, когда я заучивал Зошченко наизусть и даже декламировал его рассказы со сцены. Но, господа хорошие, все это написано языком, на котором теперь никто не говорит, и все это отражает реалии общения (коммуникативные ситуации – выражаясь по-научному), которые ныне не случаются, а потому любой искренне желающий познаться с Россией только запутается, стараясь наложить подобную литературу на современную российскую действительность. И самое главное здесь, пожалуй, то, что вы-

Продолжение на стр. 16

Продолжение. Начало на стр. 15

шеуказанное мало интересно русским иммигрантам (основной аудитории читателей русскоязычных журналов), которые всем этим регулярно объедались и в детстве, и в отрочестве, и особенно в юности, – чай, до сих пор горько. В этой связи никогда не забуду того, как за \$1 я купил на Брайтон Бич четырехтомник Александра Меня. Продавец был неподдельно рад, что умную-серьезную литературу удалось, наконец, сбавить (потому что в русских книжных магазинах покупали только дешевые детективы, и замешанную на скандалах желтую хронику).

Перейдем далее к «поздравлению с Днем Железнодорожника», т.е. ко всеми любимой, почитаемой и уже кабишей изрядную оскомину «Анне Карениной». Вот уже сколько лет выходят на экраны и становятся предметом детального языкового анализа американские версии «Анны Карениной». Вряд ли найдется мало-мальски приличная кафедра славянской литературы, где бы данное произведение не мусолили. Но если спросить многочисленных зрителей, сравнительно многочисленных слушателей и совсем немногочисленных читателей о связи описываемого там с предшествующей и с последующей историей и культурой России, встретишь только вопрошающие и непонимающие взгляды. Роман Анна Каренина преподается и воспринимается исключительно как индивидуально-авторское национально не окрашенное повествование о моральных борениях несчастной героини, сделанное писателем-икониной, не подлежащим какой-либо критике. Когда же предлагаешь следующую логическую цепочку, на лицах появляется полное недоумение:

«...Домострой > Православные заповеди и Семейные ценности > Неприятие обществом супружеской измены – изменщица либо бросается под поезд, либо как Катерина в «Грозе» сдает нормы ГТО по плаванию > Аморальщина побеждает в начале XX-го века > Революция, кровь, предложение об обобществлении женщин – грубый феминизм > ГУЛАГ/Берия, снимающий приглянувшихся особ прам среди бела дня в центре Москвы > Популярная проституция в пост-советской России > Выход замуж за обеспеченных иностранцев через интернет и специальные агентства/поиск богатых новых русских в ресторанах Рублевки. ...». И тут вдруг становятся понятны и все другие культурологические факторы, так или иначе сопряженные с Анной Карениной: анафема Льву Толстому от православной церкви за издевательства над христианской моралью, его приятельские отношения с Лениным, его собственный разгульный образ жизни, столь типичный для российских и позже советских офицеров, и наконец, даже недавний роман о Льве Толстом Виктора Пелевина. Таким образом, позвольте повториться еще раз – не сами явления в своей изолированности, а связь и преемственность различных культурологических ссылок заинтересуют сегодняшнего русскоязычного читателя в США. А их здесь миллионы. И, кроме всего прочего, Тургенева с Пушкиным они уже давно, как правило, прочитали.

Второе. Давно известно, что интерес к национальной культурологии (во всех ее проявлениях) как правило пропорционален знанию соответствующего иностранного языка. Ситуация с изучением русского языка в США, надо сказать, весьма и весьма грустная. Кстати подобное наблюдение применимо и к языковому обучению вообще, – мол, зачем учить иностранные языки, когда даже деревенский пастух в какой-нибудь Иордании может легко объясниться по-английски. Опять же, прерывая свои комментарии, порекомендую «Интеллигенту» включать в свои выпуски занимательную страничку русского языка, например: «новые слова/фразы русского языка», «современные популярные жаргонизмы», «эмоциональная нагрузка ругательств» и т.п. Отвечая на вопрос «зачем», представим три потенциальные группы Ваших читателей: (а) владеющие русским языком американцы русского происхождения; (б) иммигранты из СССР и пост-советских государств (а уезжает сейчас, к слову, примерно столько же, сколько во время революции 1917-го года) и (в) американские

специалисты, чья работа предполагает профессиональное владение русским языком. И так, первые, по определению, не знают новшеств наследованного языка, и, будучи русскими, хотели бы, естественно, о них узнать; мотивация вторых состоит в том, что многие из них смотрят русские телевизионные программы, в которых то и дело проскальзывают только-только появившиеся узусные разговорные формы и жаргонизмы; представители третьей группы все больше осознают, что их учили, мягко говоря, не тому, и, что на языке XIX –го– XX-го века (т.е. языке Пушкина, Тургенева и в крайнем случае, Пастернака) теперь мало кто говорит. Поэтому, если хочешь преуспеть на работе, срочно познавай современный русский язык. Все это рекомендуется, естественно, с учетом того, что Ваше издание зарегистрировано в Библиотеке Конгресса, а значит любой желающий может с ним ознакомиться, чтобы потом регулярно заказывать.

Возвращаясь к своим комментариям по нынешней языковой ситуации в США, отмечу, что любому русскоязычному изданию следует прежде всего ориентироваться на первые две упомянутые группы (т.е. группы «а» и «б»). Коренные американцы все хуже и хуже говорят по-русски. Тут наиболее значимыми представляются три факта:

Во-первых, из шкалы ACTFL (т.е. Американской...) ассоциации преподавания иностранных языков) убраны, по крайней мере, из всех тренировочно-семинарских буклетов и инструкций, два верхних уровня, которые как раз и удостоверяют владение языком, достаточное для восприятия культурологии, – дескать зачем эти уровни, когда все равно при нынешних университетских программах их никто не в силах достичь...; кстати, в августе 2011 года приказала долго жить и ассоциация CDLC, как раз и занимающаяся высшими уровнями иностранных языков в США.

Во-вторых, обращает на себя внимание специфическая логика местных директоров школ, сермяжно поведанная на одной из научно-методических конференций: А зачем мне вводить в школьное обучение иностранный язык? Ведь, все равно же, занимаясь лишь два раза в неделю, дети не достигнут сколь-нибудь значимого результата, – Лучше пусть изучают что-нибудь другое, что даст немедленный зримый результат.

И, наконец, для переводческой и иной деятельности, предполагающей свободное владение русским языком, все чаще привлекаются русские иммигранты или граждане России, Россия, ведь теперь якобы друг; а друзей опасаться нечего...

Третье примечание касается иммигрантских семей, где дети не говорят по-русски, но потенциально могли бы заинтересоваться русскими культурологическими аналогами американской культуры. Ведь, в конце концов, мы все – от одного общего корня. Таким образом, если бы я выпускал Интеллигент-Нью Йорк или, например, какой-нибудь Интеллигент-Кливленд, я бы отвел определенное место для странички-аналогов праздников, традиций, обычаев, одежды, кухни, игр итп. Если какие-то из статей, ссылок, даже анекдотов были бы на английском языке, это, на мой взгляд, обязательно привлекло бы внимание англоязычной молодежи русского происхождения.

Обобщая сказанное в двух последних пунктах (см. Второе и Третье) следует вести речь о тех потенциальных читателях, которых можно объединить в группу лиц, вольно или невольно испытывающих тягу к Российской культурологии, что по-английски подразумевается под словосочетанием soft spot. Грубо говоря, их всех объединяет то, что, с одной стороны, они что-то по Российской культурологии знают, а чего-то не знают, и при этом очень хотят узнать. Таких людей легко обнаружить только, если они как то связаны по работе с русским языком и Россией. Так вот проблема как раз и заключается в том, что абсолютное большинство русскоязычных американцев, давно пустивших в США корни, – особенно из семей белоэмигрантов (т.е. Харбинской, европейской, латиноамериканской) и времен второй мировой войны – к работе с русским языком и Россией во-

обще не имеют никакого отношения, трудясь врачами, юристами программистами и т.п. И таким образом, журнал, подобный «Интеллигенту», может стать едва ли не единственным способом узнать что-то новое о России, написанное притом на русском языке. (Не все ведь подписываются на российские телеканалы.)

В этой связи, позвольте привести небольшой биографический рассказ г-жи Светланы П., американки русского происхождения (фотография прилагается), которая не связана по работе с русским языком, хотя до этого и работала в России несколько лет. Кстати, она окончила Православную гимназию, воспитывалась в русской среде, говорит и поет по-русски так, что все уверены, будто она родилась в России.

«... Происхожу из рода забайкальских казаков, чьи потомки бежали от красных сначала в Харбин, а после через Чили переместились в Сан-Франциско. Воспитывалась бабушкой в русской традиции, одевалась в кружева и пила чай из блюдца – не так как американцы из кружек; ходила в семинарию, где преподавали классическую русскую словесность и родную историю; обожала русскую живопись – как сейчас помню свою любимую детскую картину: «Утро в сосновом бору» Шишкина. Всегда привлекала традиционная русская доброта, манила широта русской души и ее неподдельная искренность. Было очень интересно и заманчиво поработать в России, однако у меня остались очень грустные воспоминания, касающиеся отношения к старикам и заискивания перед иностранцами. Например, помню в одном магазине одну старушку просто не подпускали к кассе, выталкивая ее из очереди и всячески преграждая ей путь. Увидев, какой беспредел там творился и, чувствуя нешуточную усталость, я решила заговорить с нарочитым иностранным акцентом. Кассирша вдруг заулыбалась, стала изысканно вежливой, и мгновенно меня пропустили к кассе. А несчастная старушка так и оставалась в стороне...»

Здесь очевидна культурно-духовная направленность интересов говорящей. Вероятно, ей не захочется читать в журнале о жутком отношении к старикам, заискивании перед иностранцами и т.п., которыми она, как и многие другие, вполне накушалась во время прежних визитов на историческую родину. В то же время вполне можно предположить, что какой-либо рассказ о традициях русской кухни, одежды и воспитания, особенно со ссылкой на американские аналоги, был бы для г-жи Светланы П. интересен.

Четвертое наблюдение касается российских атташе по культуре, Международной книги, Русского Дома, Russia Today и прочих гласных и негласных службистов, отвечающих за литературно-идеологическое влияние России в США. Дескать, куда нам соваться, когда кругом доминируют именно названные товарищи (...как сотовал гусь, ссылаясь на свинью)? Здесь очень важно отметить фактор, никоим образом не связанный с оценкой деятельности и ориентации соответствующих структур: любая пропаганда неизбежно уязвима, во-первых потому, что подразу-

мевает выпячивание и проталкивание тех сторон, которые приказаны выпячивать и проталкивать начальством, но не обязательно интересуют читателя; и, во-вторых, деятельность государственных и прочих ангажированных структур всегда связана с галочками, планами, медлительностью сотрудников итп. Мол, зачем мне добиваться распространения «Современника» в десять библиотек (а не только в пять) – ведь тогда мой план на следующий год увеличится? Я уж не говорю о тех громких скандалах, с которыми связана деятельность названных организаций. Вспомним хотя бы недавний прокол Международной книги на последней книжной ярмарке в Нью-Йорке. Так что конкуренция со стороны государственных российских организаций в США «Интеллигенту» вряд ли грозит.

Пятое соотносится с тем, что уже есть на полках американских библиотек и почему оно не способствует интересу к культурологии России, что мы старались проиллюстрировать в начале статьи. Я, например, недавно проштудировал ряд толстых русскоязычных журналов в Государственной Публичной Библиотеке Сизтла (кстати, это одно из самых впечатляющих архитектурных сооружений мира последних лет). Позвольте не называть каждый из них (помните «Кавказскую пленницу»: мы не скажем, где эта история произошла, чтобы не обидеть других...). Давайте транслируем (то бишь, переведем) содержание этих журналов на американскую почву и зададимся вопросом: А было бы нам с Вами интересно о подобном читать? Один из патристических журналов (назовем его так) пишет о русских солдатах времен Первой Мировой Войны. Вопрос: а было бы Вам интересно читать о том, как один из выходцев Мичигана подстрелил двух мексиканцев во время битвы Аламо? Другой журнал, весьма либеральный, помещает повесть о том, как сейчас плохо и какие кругом гады-бандиты? Скажите на милость, а Вам интересно было бы читать о том, что в штате Орегон в одной поселковой администрации засели жулики, бравшие взятку за разрешение на строительство моста? К сожалению, многие российские редакторы глубоко уверены, что вся их псевдопатристическая нудотина, как впрочем и оппозиционное нытье, неизбежно заинтересует представителей другой культуры.

В итоге напрашивается вывод:

Журнал станет востребованным и популярным в США, только если он будет выражать насущные чаянья в той или иной степени владеющих русским языком:

1. Обрисовывать современные явления жизни, не только обозначать проявления русской культуры, но и показывать ее преемственность, а также взаимосвязь ее отдельных признаков;

2. Знакомить читателя с самыми современными формами русского языка и

3. Как можно чаще прибегать к сравнительному анализу русской и американской культур.

Разумеется, под текущий камень вода не лежит (как мы перевирали известную поговорку в школьные годы). Поэтому, построив журнал соответствующим образом, издатель смог бы реально рассчитывать на большой успех, рекламируя журнал по разным библиотекам и университетам (причем бесплатно и со ссылкой на Библиотеку Конгресса). Следуя логике проклятого капитализма, за нынешним экономическим спадом неизбежно наступит подъем и здешние библиотеки рано или поздно начнут покупать, а не требовать подарка.

В заключение я, вот, о чем подумал: сегодня любой автор-издатель – как никогда свободен и неуязвим. Короче, слава интернету, бесконечной возможности разностороннего культурологического образования и широчайшего, никем не контролируемого, распространения! Можно ли было все это представить лет 15-20 назад? Одним словом, вспомните восьмидесятые и девяностые... и усмехнитесь! А также... пророните скупую мужскую слезу относительно того, что те же 15-20 лет назад Россией интересовались несравнимо больше, чем теперь. Чтож, будем надеяться на лучшее с Божией и «Интеллигента» помощью.

Сергей ГОРА